

Всеволод Глуховцев

АЛЕКСАНДР I: ИМПЕРАТОР,
ХРИСТИАНИН, ЧЕЛОВЕК

Всеволод Олегович Глуховцев Александр Первый: император, христианин, человек

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6564739*

Аннотация

Император Александр I – одна из самых странных, загадочных, возможно, одна из самых недооцененных фигур отечественной истории... Отчасти, он сам, конечно, «виноват» в сотворении такой репутации о себе: был странным, сложным, скрытным человеком; несомненно, мог видеть и сознавать многое, честно искал правду, искренне поверил в Бога, свет веры хотел понести по Земле... и не сумел сделать почти ничего. Монархам грех жаловаться на невнимание исследователей, и Александр Павлович не исключение. Библиография о нём огромна, дотошные люди прошлись по его жизни чуть ли не с хронометром, попутно описали судьбы других людей, так или иначе пересекавшие с судьбой государя. Так стоит ли тысячу раз изученное, разложенное по полочкам и препарированное – изучать в тысячу первый?.. Стоит! Немало стоит, если целью исследования сделать не анализ, а синтез, если постараться увидеть человеческое бытие не как отрезок времени, но как

отражение вечности, как отзвук и предчувствие разных сторон истории.

Содержание

От автора	5
Глава 1. Бабушкин внучек	8
1	8
2	15
3	23
5	34
6	51
7	62
Глава 2. Сын, отец и тень бабушки	68
1	68
2	69
3	74
4	77
5	86
6	92
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Всеволод Глуховцев Александр Первый: император, христианин, человек

От автора

Император Александр I – одна из самых странных, загадочных, возможно, одна из самых недооцененных фигур отечественной истории... Отчасти, он сам, конечно, «виноват» в сотворении такой репутации о себе: был странным, сложным, скрытным человеком; несомненно, мог видеть и признавать многое, честно искал правду, искренне поверил в Бога, свет веры хотел понести по Земле... и не сумел сделать почти ничего.

Монархам грех жаловаться на невнимание исследователей, и Александр Павлович не исключение. Библиография о нём огромна, дотошные люди прошлись по его жизни чуть ли не с хронометром, попутно описали судьбы других людей, так или иначе пересекшиеся с судьбой государя. Так стоит ли тысячу раз изученное, разложенное по полочкам и препарированное – изучать в тысячу первый?.. Стоит! Немалого

стоит, если целью исследования сделать не анализ, а синтез, если постараться увидеть человеческое бытие не как отрезок времени, но как отражение вечности, как отзвук и предчувствие разных сторон истории. Ведь человек – средоточие вселенских сил, он является в этот мир со встроенной в душу программой «Я равен Космосу»... однако, найти и включить эту программу оказывается задачей чрезвычайной трудности; не сказать, что невыполнимой, но всё-таки очень, очень трудной. Почему?.. Автору хотелось бы, чтобы жизнь и судьба императора Александра I помогли ответить на данный вопрос. Это стремление и составляет сущность книги, предлагаемой благосклонному читательскому вниманию.

Читатель встретит в ней немало дополнений и примеров иллюстрирующего характера из русской литературной классики – это сознательный авторский приём, ибо талантливое художественное описание всегда есть живой, яркий образ, раскрывающий ту или иную ситуацию куда более эффективно, нежели тяжеловесные наукообразные рассуждения...

Небольшой комментарий к структуре, графике и особенностям текста: жирным шрифтом выделены цитаты из Библии, курсивом – некоторые цитаты из других источников, а также авторские отступления поясняющего и дополняющего характера. В ссылках на Библию указаны название книги, затем номер главы и номер строфы; во всех остальных случаях цифровые обозначения указывают: обычным шрифтом – номер источника по списку литературы и номер то-

ма, если источник представляет собой многотомное издание; курсивом – номер страницы. Для интернет-ресурсов номер страницы не указывается. Некоторые цитаты, особенно стихотворные, давно ставшие крылатыми выражениями, приводятся без указания на источник. Даты, если при них нет специальных оговорок, даются по Юлианскому календарю. Цитаты из источников, изданных до 1918 года, приведены в соответствие с современной орфографией. Русская транскрипция иностранных имён собственных взята в соответствии с большинством изданий.

Автор выражает огромную благодарность всем авторам сочинений, использованных при работе над книгой, и тем, чью помощь также трудно переоценить: сотрудникам издательства «Вече», коллегам по кафедре философии, истории и права Уфимского филиала ВЗФЭИ, работникам библиотек, книжных магазинов, интернет-центров. Особые слова признательности – историку и писателю Дмитрию Володихину. Без эрудиции, профессионализма всех этих людей, их доброжелательного отношения к автору книга вряд ли могла бы состояться.

Глава 1. Бабушкин внучек

1

Будущий Император Всероссийский Александр Павлович родился 12 (23-го – по Григорианскому календарю) декабря 1777 года. Его появление на свет, несомненно, обещало стать важнейшим политическим событием в жизни не только Российской империи, но и Европы, готовившейся в эти дни к празднованию Рождества Христова; а раз так, то и всего вовлечённого в исторический процесс человечества, ибо в те времена история мира практически равнялась европейской... Ожидания сбылись. Младенец вырос, прочно взял в свои руки дела всемирные, и целая эпоха оказалась прочно связана с его именем... которого тогда, 12 декабря 1777 года ещё не было.

Родившись, он сразу же оказался потенциальным наследником крупнейшего на планете престола, что самым прямым образом определяло вокруг него сложную политическую тригонометрию и ставило новорождённого в особые, далёкие от обыденных маленьких тревог и радостей отношения: с родителями – отцом, формальным наследником российского трона Павлом Петровичем и матерью Марией Фёдоровной; и с бабушкой, императрицей Екатериной II. У

неё, в свою очередь, отношения с сыном Павлом были очень далеки от нормальных семейных, состоя из двусмысленностей, недомолвок, взаимных подозрений и опасений – что естественным образом проистекало из обстоятельств захвата Екатериной верховной власти в 1762 году. Захват этот был откровенно незаконным, хотя впоследствии ему и старались изо всех сил придать видимость юридического благополучия; но, разумеется, люди мыслящие – и не только в высшем обществе – знали о лукавых эвфемизмах официальных сообщений. Пугачёву потому и удалось развить громадную энергию бунта, что он действовал именем «законного государя» Петра III, согласно лживому официозу, умершего от «геморроидальных коликов» [36, 345], в которые никто не верил. Скорее согласны были поверить в то, что царственный узник, насильно привезённый в Ропшу, сумел сбежать от своих церберов и скитался по Руси в поисках способа вернуться на царство – не по прихоти, конечно, но по чувству долга. Царское служение – священный долг, принятый человеком, и этот человек не вправе отречься от миссии, возложенной на него не людьми, но Богом... Народное сознание вполне готово было принять идею истинного царя, помазанника, оставшегося верным священному долгу: умные деятели казацкой старшины, подбившие «маркиза Пугачёва» на дерзкую и рисковую авантюру, были, видимо, отличными психологами. Да и сам он, конечно, был человек даровитый, с задатками блестящего артиста.

Потаённые разговоры струились осторожно и при императорском дворе. Целью их являлся в том числе – а точнее будет сказать, прежде всего – подросший наследник Павел Петрович; когда его отец погиб, мальчику и восьми лет не исполнилось, но потом, с возрастом, он, не без помощи придворных, разумеется, узнал об истинной причине смерти. И каково же ему было жить с таким знанием! – что мать похитительница власти и фактически убийца отца!.. А он сам, законный обладатель престола, вынужден пребывать в каком-то униженном и непонятном положении.

За все тридцать четыре года своего владычества Екатерина никому не позволила безнаказанно усомниться в её праве на трон. Не смел вслух сомневаться и Павел. Но императрица чувствовала его настроения, подозревала, должно быть, что кое-кто из приближённых тайно влияет на цесаревича – а он неглуп, при том к монархической идее относится совершенно всерьёз, так что говорить о спокойных отношениях между матерью и сыном не приходилось... Однако, Екатерина отлично понимала, что решить проблему так, как это было с Петром III, не получится. Ещё одной случайной смертью не обманешь никого в России, европейский же бомонд и подавно. Следовательно, решение напрашивается само собой: нужен другой наследник. Кто? Теоретически здесь всё ясно: сына требуется женить, продлить династию – и первого же родившегося внука целенаправленно и методично воспитывать как потенциального главу государства. Теоретически

ясно, практически, конечно, посложнее... но Екатерина не из тех, кто не умеет провести свои планы в жизнь.

Очевидно было, что равную по рангу невесту наследнику российского престола следует, вероятнее всего, искать в каком-то из многочисленных германских государств (как некогда отыскивали саму Екатерину в герцогстве Ангальт-Цербском), а лучшим посредником в этом делиткатном деле является прусский король Фридрих II, исключительно умный, энергичный и твёрдый властитель. Отношения между ним и русской царицей, будучи взаимовыгодными и партнёрскими, в основе своей имели сугубую политическую целесообразность; каждый из партнёров отлично понимал, что царственный визави может изменить в первый же миг после того, как решит, что измена несёт с собой долгосрочные стратегические преимущества – однако это нимало не мешало монархам воспринимать друг друга с совершенным уважением. Они были сильные, твёрдые, жёсткие политики, и любой из них вполне бы понял другого, совершившего какое-либо циничное действие во всемирной игре без правил... Оба сознавали отсутствие правил в этой игре, и оба были победителями.

Стоит отметить, что обоюдное уважение зиждилось ещё и на почве служенью муз. И прусский король и русская царица не только меценатствовали, собирая вокруг себя знаменитостей, но сами притязали на творческие лав-

ры; Фридрих писал историко-философские трактаты, Екатерина редактировала ею же основанный журнал «Всякая всячина», причём являлась там автором многих статей [41, т.4, 67]... В общем, между двумя Великими (и Фридрих и Екатерина почти официально заслужили этот исторический эпитет) имело место одобрительное взаимопонимание.

Сейчас уже трудно сказать, благодаря ли проницательности Фридриха, или так сложились иные обстоятельства – но выбор невесты оказался Павлу по душе. Юная принцесса Гессен-Дармштадтская Вильгельмина вроде бы не блистала красотой, но великий князь полюбил её со всем пылом чистого, искреннего девятнадцатилетнего юноши. Екатерина могла быть довольна: ей удалось направить энергию сына в нужное русло, и теперь императрице оставалось ждать рождения первого внука, из которого она собиралась воспитывать будущего просвещённого государя...

Но воистину человек предполагает, а Бог располагает. Радоваться было рано. Принцесса Вильгельмина, в православии ставшая Натальей Алексеевной, в силу физической конституции оказалась неспособной к деторождению. Именно к деторождению, а не к зачатию, из-за чего судьба её приобрела трагический оборот: она забеременела, но не смогла разрешиться от бремени. По тем временам диагноз тяжкий, для Натальи же Алексеевны он оказался фатальным. Придвор-

ные врачи ничего не смогли сделать. Великая княжна скончалась 15 апреля 1776 года.

Наверное, главным достоинством Екатерины, сделавшим из неё успешного политика, достигавшего поставленных целей, являлась настойчивость, умение не опускать руки и добиваться своего. Она одолевала и не такие неудачи. Не получилось достичь желаемого с первого раза – значит, предстоит второй! А если понадобится, и третий, и четвёртый... и так далее, вплоть до вразумительного решения проблемы.

Впрочем, в данном случае третьего раза не понадобилось. Достаточно оказалось второго – и опять не без помощи прусского короля. Любопытно, что вновь невеста отыскалась в том же юго-западном углу тогдашнего конгломерата германоязычных государств, по соседству с Гессеном – в Великом герцогстве Вюртембергском. Императрица действовала ударными темпами: в апреле цесаревич Павел овдовел, а уже в сентябре того же 1776 года он был женат повторно.

Дочь герцога Вюртембергского София-Доротея была к моменту свадьбы ещё моложе Натальи Алексеевны: семнадцать лет. Разумеется, она также приняла православие и стала называться Марией Фёдоровной... В отличие от предыдущего, этот брак оказался достаточно долгим (полгода не хватило супругам до «серебряной свадьбы») и самым многодетным из всех монарших браков Романовых со времени царя Алексея Михайловича. Вся дальнейшая императорская династия, включая Николая II и его детей – суть прямые по-

томки одной супружеской пары: Павла Петровича и Марии Фёдоровны. Десять детей за двадцать один год! – и могло быть больше, если бы не «апоплексия» Павла Петровича, о коей речь впереди... Воля и настойчивость Екатерины привели к должному результату. Рождение внука стало очередной её политической победой.

В святцах день 12 декабря по старому стилю означен именами нескольких святых: чудотворца Спиридона, преподобного Ферапонта Монзенского; священномученика Александра, епископа Иерусалимского; мученика Разумника (Синезия). Можно быть уверенным, что самовластная бабушка не долго думала над тем, как назвать внука. Александр! – прекрасные политические, вернее, даже геополитические ассоциации: и с Александром Македонским и с Александром Невским, великолепные исторические параллели... И младенец был торжественно крещён.

Итак, Александр. Обряд совершал о. Иоанн Панфилов, духовник Екатерины. Сама же она стала восприемницей (крёстной матерью), а восприемниками – заочными – император Великой Римской империи (проще говоря, Австрии) Иосиф и прусский король Фридрих II, тот самый сват.

Из каких соображений Екатерине понадобилось делать восприемниками православного младенца католика и лютеранина?.. Конечно же, опять из геополитических. Руководствовалась ли она при этом какими-то религиозными, богословскими идеями? Вряд ли; но вот о том, какое продолжение это необычное крещение получило в жизни Александра, сказать стоит. Некий зародыш идеи единения церковей впоследствии развился в глубокий духовный посыл; реально,

правда, вышло из этого немного, а если честно, то ничего. Но ведь история нашего мира не вчера началась, не завтра кончится, и кто знает, как отзовутся в будущем те давние мечты русского императора...

Что же касается о. Иоанна Памфилова, то он не оставил в биографии Александра Павловича сколько-нибудь заметного следа. Потомственный священник, он по каким-то причинам не закончил Александро-Невскую Академию, выйдя из неё диаконом; однако восполнил этот пробел самообразованием: добился того, что стал считаться одним из учёнейших священнослужителей, латинским же языком владел в совершенстве. Был остроумен, не терялся в светском обществе... Словом, именно такой духовник и мог быть у Екатерины II. Пусть не яркий, но свой след в русской культуре он оставил: сотрудничал в Академии наук, участвовал в составлении словаря русского языка... А это не так уж и мало.

За три месяца до рождения Александра Петербург сокрушило наводнение – на тот момент самое страшное за всю историю города. Было очень много жертв. Предзнаменование?.. Екатерина наверняка старалась об этом не думать. Она активно и очень жёстко боролась с разными проявлениями суеверия, но это нимало не значит, что она была крайней рационалисткой, полагавшей реально существующим лишь то, что обобщено в итоге систематических наблюдений, желательно в математическом виде – ибо с таким подходом большая часть мира просто останется вне поля зрения исследо-

вателя; Екатерина если и не осознавала это формально, то во всяком случае, улавливала интуитивно. Для науки это, впрочем, не страшно, для философии же, да и просто для жизни – серьёзная методологическая ошибка. Императрица была слишком умна, вернее, мудра, чтобы этого не понимать... По этой же причине она высмеивала вульгарный дешёвый мистицизм вроде масонского. Но не была она и воистину религиозным человеком... Вероятнее всего предположить, что жизнь представлялась ей сложной, острой, опасной и остроумной игрой с участием множества людей, каждый из которых может стать либо другом, либо врагом, причём нажать себе последних можно очень быстро, а вот приобрести друзей – необычайно трудная задача... а ещё труднее добиться благорасположения судьбы, главного партнёра в этой странной игре, таинственного и переменчивого, который по каким-то своим непостижимым капризам может быть то союзником, то противником, и во взаимоотношениях с которым годится всё: когда рассудок, здравый смысл, когда фантазия, а когда и откровение свыше; и всякое событие есть приглашение подумать над его смыслом и предугадать будущее. Потому, если уж случилась неприятность, надо принять её к сведению и в дальнейшем постараться избежать такого или быть к нему готовым... В общем такое мировоззрение можно назвать своеобразным, христианизированным стоицизмом.

Ход размышлений в данной парадигме привёл царицу к

выводу о том, что лучшей стратегией в этой загадочной игре – не идеальной, но всё-таки лучшей – является воспитание философски образованного государя, образованного, мыслящего и нравственного, способного сочетать высокие христианские принципы с твёрдой волей и мастерством политического менеджера. У самой Екатерины, правда, по части моральных принципов дело обстояло не слишком-то образцово, но её это, похоже, не очень смущало. Впрочем, грехи альковные человеку большей частью простительны, а если она в борьбе за власть что совершила непростительного, то не нам о том судить. Бабушкой же она оказалась замечательной, при том, что была никудышной матерью.

Имели и имеют место попытки критиковать педагогическую методу Екатерины; её находят плоской, наивной, схематической [73, 86]. Но ведь это педагогика! – трудно найти что-то тоньше, деликатнее, требующее большей духовной осмотрительности... А вот критиковать, напротив, легко.

В воспитательной системе Екатерины ошибки, конечно, были. Были, что называется, по определению: не ошибаться тут невозможно; были промахи и субъективные, её личные. Один из воспитанников, второй сын Павла Петровича и Марии Фёдоровны Константин (младше Александра на два года) вырос человеком каким-то, мягко говоря, странным, с труднообъяснимыми причудами; может, в том и не Екатерина виновата, но налицо именно такой факт, а не какой-то иной. Да и с Александром не всё вышло гладко; В.О. Ключ-

чевский по этому поводу заметил, что «...он был воспитан хлопотливо, но не хорошо, и не хорошо именно потому, что слишком хлопотливо» [35, т.5, 187]. Словом, налицо именно тот классический случай, когда у семи нянек дитя без глазу. Замечание справедливое едва ли не буквально: без глазу-не без глазу, но «без уха» маленький Александр остался точно – «прогрессивная» бабушка, зная о пользе воздушных ванн, летом распахивала окна в покоях внука, а с невской набережной, отмечая время, каждый час палили сигнальные пушки, в результате чего ребёнок почти оглох на левое ухо.

Вообще, можно предъявить императрице уйму претензий именно с педагогической точки зрения, начиная с разлуки детей с родителями; о других просчётах будет сказано ниже, равно как в целом о роковых пороках «просветительского» мировоззрения, к которому в значительной мере подвержена была Екатерина, и принципы которого внедряла в воспитательный процесс. Однако, следует повториться: быть умным задним умом – дело нехитрое. Нам, людям нашего столетия, из нашего далека ясно видно, что идеи века XVIII-го с их куцым рационализмом, секуляризацией, десакрализацией мира, или наоборот, с тайнами, с которых давным-давно сошёл их ложно-романтический ореол – год за годом, меняясь, приобретая те или иные новомодные черты, но всё же продолжая оставаться в известном идеологическом русле – вели к размыванию цельного мировоззрения, системным социальным сбоям и, наконец, к катастрофам: мировым вой-

нам, первой и второй...

Да, такова оказалась тяжкая плата за самонадеянность, за то, что этой части человечества показалось возможным жить земными благами, ничтожной философией, заменив ценности абсолютные на относительные. Заповедь вторая: не сотвори себе кумира – не дидактическая формула, но совершенная реальность. Вещи полезные, хорошие и даже прекрасные, превратившись в идолов, перестают хорошими быть – не потому, что делаются хуже, а потому, что люди, видя только их, теряют пути к полной истине. От этого и не убереглось Новое время: прогресс, наука, сытая жизнь, права и свободы – замечательные средства на пути к цели. Принятые же за цель, они дезориентировали христианское человечество.

Всё это правда. Но она постигнута страшной ценой, на собственной несчастной шкуре. Мы умно и даже мудро говорим о прошлом – а что можем сказать о нашем будущем?.. Да ничего по сути! Наверное, не стоит утверждать, что будущее нельзя предвидеть совсем, но что это невероятно трудно – с этим не поспоришь. Ничуть не легче было это сделать людям и во времена «Очакова и покоренья Крыма». Наше прошлое – это их будущее, а их-то прошлое и настоящее тоже казалось далёким от совершенства. Это ведь сказать легко: цельное мировоззрение, скреплённое христианской этикой – что теоретически совершенно верно; да только человеку в этом мире приходится иметь дело не с философскими

теориями, а с практическими феноменами. А каковы были феномены XVIII века, очень хорошо известно: избыточная роскошь королевских дворов и нищета крестьян, вольготные прихоти аристократов и страшная доля крепостных, у которых не было ни прав, ни свобод, ни даже фамилий... Всё это творилось в христианском мире – именовавшем себя таким – и где тут цельное мировоззрение?! И стоит ли удивляться, что мыслящие люди искали нечто новое, искренне хотели сделать жизнь лучше... Сделали, правда, хуже. Но упрекать людей в отсутствии провидческого дара – право же, чересчур.

Похоже, что Екатерина была осмотрительнее и проницательнее многих своих друзей-философов – может быть, в силу монаршего положения, да не просто монаршего, а монаршего в России, невероятно сложной стране. Разумеется, она видела, что никакие голые схемы тут не подходят, хотя и могут оказаться в известной степени полезными. Так же она подходила и к воспитанию внуков. Шла путём непроторенным, методом проб и ошибок, в чём-то и вправду перехлопотала, где-то что-то недоглядела... Но старалась искренне! Наконец, она просто любила внуков, помимо всех мудрёных теорий, а это тоже дорогого стоит. Между прочим, из педагогических успехов императрицы особенно интересен один, а именно: подарив маленькому Александру имение («Александрова дача») [5, 19], Екатерина обдуманно располагала там аллеи, лужайки, пруды, гроты и статуи – всё с симво-

лическим значением, дабы отрок естественно и ненавязчиво впитывал в себя образы русских побед, крестьянских полей, родной природы, царственных предков, в том числе Екатерины (как же без этого!), и, наконец, образ Бога: на высшей точке парка, на холме, находился Храм Розы без шипов. На внутренней поверхности купола этого храма изображён был Пётр Великий, символическая же Россия опиралась на щит со светлым ликом самой бабушки [5, 20].

Синкретический, так сказать, образ Божий – для православной страны, безусловно, выглядящий удалённо от традиций. Конечно же, это отголосок дурно понятого «свободо-мыслия», характерного для тех лет – но не стоит быть слишком критичным. Не одна Екатерина поддалась веяниям эпохи, а она, к тому же, сумела найти в этих веяниях и безусловно ценное. Отметим, наоборот, лучшее в этом проекте. Царица предлагала внуку вполне натуральный историко-экологический комплекс – в ту пору, когда и слов таких не знали. Действительно, юный царевич в Александровой даче – попытка создать гармонию личности, экосистемы (биосферы в целом) и культуры; идея, потенциал и перспективы которой и в наши-то дни только-только начинают осознаваться всерьёз. Тогда же подобные перспективы были, вероятно, неведомы и самой Екатерине, но идея, несомненно, коснулась её, и мы, два с лишним столетия спустя, должны это оценить.

Итак, бабушка стала первым во всех смыслах наставником будущего венценосца. Вторым – в смысле административном – был назначен матёрый придворный Николай Иванович Салтыков, впоследствии граф и князь; первый титул он получил от Екатерины, второй – от бывшего воспитанника, будучи возведён последним не только в князья, но и в самые высшие служебные чины и должности. Выбор этого человека в воспитатели с формальной точки зрения может показаться непонятным: никакого отношения к просвещению и образованию он не имел, жизнь провёл сначала на военной службе, затем при дворе. Воевал храбро. Дослужился до генерал-аншефа (по-нашему – генерал-полковник)... Но императрица знала, что делала. Очевидно, в генерале Салтыкове она усмотрела твёрдое мужское начало, которое, по её мнению, должно быть непреложным компонентом воспитания.

«Опытный и хладнокровный царедворец, Салтыков стоял, как правило, вне придворной борьбы и умел сохранять влияние при различных правлениях,» – сказано в Советской исторической энциклопедии [59, т. 12, 494], и, надо полагать, сказано справедливо. Потому в 1773 году генерал-аншеф был назначен попечителем наследника Павла Петровича, а с рождением Александра (затем и Константина) – глав-

ным воспитателем великих князей. Был при них ещё один генерал: Александр Яковлевич Протасов; этот, в сущности, выполнял функции «дядьки», и в историю попал благодаря своему дневнику, где с редкой прямоотой отзывался о подшефных – видимо, человек был добросовестный и бесхитростный.

Кто ещё окружал будущего государя (не считая, понятно, брата Константина)?.. Ближайшим другом его детства стал князь Пётр Волконский, дружбе этой суждено было продлиться всю жизнь Александра, а самому князю Петру довелось послужить в высших гражданских чинах и следующему царю, Николаю... Стоит также упомянуть няню Софью Николаевну Бенкендорф (бабушку будущего генерала и шефа жандармов), безмянных гувернанток, трудами которых мальчики заговорили на английском языке – не родном, но первом в их жизни. Русский стали осваивать следом. Французский начали изучать ещё позже, и о том разговор пойдёт особо.

Преподавателем же русского языка, а также истории избран был Михаил Никитич Муравьёв, представитель столь прославленной в нашем Отечестве фамилии. Правда, слава эта более обязана потомкам Михаила Никитича: сыновьям и разной степени племянникам, участникам декабристского движения, в том числе и тем, кто к зрелым годам из вольнодумцев превратился в рьяновоерноподданных, как усмиритель польского восстания 1863 года граф Муравьёв (тоже Миха-

ил), вошедший в историю под неблагозвучным прозвищем «Муравьёв-вешатель»... Так вот прихотливо соотносятся в истории судьбы предков и потомков.

Сам Михаил Никитич был человек кроткий, законопослушный, не бунтовал и никого не подавлял; принято считать его одним из лучших русских писателей XVIII века. Наверное, заслуженно, хотя сейчас вряд ли кто, кроме специалистов-филологов и литературоведов станет вникать в архаичную стилистику сочинений, повествующих о добре и гуманности... Доброту, нравственную чистоту Муравьёва отмечают все, писавшие о той эпохе, и почти так же единогласно говорят о том, что педагог он был неопытный.

Естественные и точные науки в образовании Александра носили сугубо служебный характер. Бывает, что учёный-естественник или инженер является прекрасным воспитателем, однако учителя великого князя в данном качестве не отметились. Не нужно, разумеется, воспринимать это как упрёк: морализаторство в их задачу не входило, а за то, что сверхзадачей не стало, взыскивать нечего. Это были первоклассные по тем временам учёные: Логин Юрьевич (Вольфганг Людвиг) Крафт (физика), Карл Массон (математика), Пётр Симон Паллас (география и биология; тогда это называлось: «натуральная история»). Можно не сомневаться, что знания они давали добротные, прочные. Как воспринял эти знания ученик? – вопрос отдельный. Впрочем, и к нему в данном смысле не должно быть крупных претензий: жизнь

не много времени предоставила ему для размышлений над закономерностями природного мира. Не исключено, что в какой-то момент своей жизни он этим с удовольствием бы занялся – похожие мысли высказывал... Но чего не случилось, того не случилось.

Безусловно, нельзя было представить воспитание будущего русского царя без религиозного начала, Закона Божьего. Был приглашён наставник и по этой части, и наставник более чем необычный.

Протоиерей Андрей Афанасьевич Самборский (в некоторых источниках – Сомборский) внешне совершенно не напоминал традиционного русского священника. Он много лет прожил в Англии, будучи настоятелем церкви при российском посольстве в Лондоне, сильно европеизировался, женился на англичанке (некоей Екатерине Филдинг). Внешняя европеизация выразилась в частности в том, что о. Андрей добровольно лишился усов и бороды, защеголял в светском одеянии – собственно, увидев его на улице, никто и подумать бы не мог, что перед ним православный батюшка. Кроме того Самборский – видимо, тоже в Англии – воспринял интерес к натуралистике и тому, что теперь бы назвали «биотехнологиями». При Екатерине он считался виднейшим агрономическим авторитетом, а на склоне лет (прожил, кстати, 83 года! – очень много для того времени), будучи уже частным лицом, в своём имении близ города Изюма (ныне Харьковская область) выводил новые породы овец, свиней, и новые

сорта картофеля. Построил в селе школу, больницу для престарелых... Словом, человек был незаурядный, в свою эпоху был на виду, да и сейчас, как видим, не забыт.

Отметим любопытный факт: зятем Самборского стал Василий Фёдорович Малиновский, будущий директор Царскосельского лицея, где в первый набор учащихся, вместе с Пушкиным, Пуцциным, Горчаковым, Кюхельбекером, Дельвигом и другими был зачислен и директорский сын Иван Малиновский (лицейское прозвище – «Казак»), спустя много лет оказавшийся владельцем того самого поместья Каменка Изюмского уезда, в котором некогда экспериментировал Андрей Афанасьевич Самборский, его дед по матери [88]...

Очевидно, Екатерина была невысокого в целом мнения о русском духовенстве, коли уж выбрала законоучителем внука человека столь далёкого от «второго сословия». Но – примечательный факт! – православие протоиерея Самборского никем из серьёзных исследователей не оспаривается, хотя подобные обвинения при его жизни имели место. А в Венгерской епархии Московского патриархата о. Андрея почитают как подвижника. Недаром: в 1799 году великая княгиня Александра Павловна (сестра Александра) вышла замуж за австрийского эрцгерцога Иосифа, очутилась в Венгрии, где испытала сильнейшее давление со стороны католического духовенства на предмет перехода в лоно Римской церкви.

Особенно усердствовали местные иезуиты. Отец Андрей – он был духовником Александры Павловны и вместе с ней поехал в Венгрию – смело вступил в полемику с папистами, не уступил им и сохранил эрцгерцогиню для православия [97].

При том надо сказать, что оценки Самборского как богослова всерьёз разнятся. В частности, утверждается, что протоиерей был типичным чиновником «по церковной части», державшим руки по швам, и высшим теологическим критерием для него служили распоряжения свыше: «Одобрения и беспристрастные свидетельства высочайших особ должны теперь положить единый и ясный смысл на оные многообразные толкования,» [73, 87] – расхоже цитируемая фраза из письма о. Андрея к митрополиту Амвросию. Где истина?.. Видимо, как чаще всего бывает, посередине. Отец Андрей явно был человек немалых способностей, культурный, с широким кругозором; светилом богословия его, вероятно, не назовёшь, но в профессиональной эрудиции и компетентности сомнений нет. Насколько он повлиял на формирование личности Александра?.. Можно предположить, что слушая гладко выбритого элегантного человека, ничем не похожего на русского попа, юный царевич совершенно не постиг ментальности народного, «низового» православного мироощущения, со всеми его позитивными и не очень особенностями. А нужно ли это было, стоило ли постигать такое мироощущение будущему русскому автократу? Очевидно, да – но где найти такого священника «из глубинки», который су-

мел бы здраво отделить зёрна от плевел! Возможно, если постараться, это и удалось бы сделать, но...

Но Екатерина при всей своей непритворной тяге к России, к русской цивилизации эту самую народную религиозность считала, вероятно, мешаниной истин, верноподданности, невежества, дикости и суеверий – социально полезной, но уж конечно, не для наследника. Потому в законоучители был приглашён отец Андрей. Почему выбор не пал на митрополита Платона, просвещённого мыслителя, сильнейшего богослова, блестящего литератора, к тому же духовника и воспитателя Павла Петровича?.. Трудно сказать. Было то, что было – исходить мы принуждены из этого.

Итак, «веры простонародья» Александр не ведал. К вершинам же религиозной мысли стремился по-настоящему, хотя путь его в этом направлении был сложным, извилистым, да так, собственно, и не привёл к желаемому результату... Искренняя вера Александра стала феноменом совершенно закономерным, можно сказать, выстраданным, имела долгую, непростую предысторию. Вплоть до Отечественной войны 1812 года великий князь, а затем и император толком не заглядывал в Библию, при том, бесспорно, считая себя христианином. Эту религиозную индифферентность молодого самодержца, случается, ставят в строку Самборскому: плохо учил, дескать... Однако, здесь отнюдь не так дело просто.

Вспомним, на какую эпоху пришлась юность Александра,

какие философские и социальные концепции, тенденции были модными, какими яркими, эффектными они казались, как будоражили не только юные, но и совершенно взрослые головы! И не стоит огульно зачислять все эти вольнодумные головы в безбожники, вольтерьянцы и якобинцы. Они были очень, очень разные, и потом время развело их далеко друг от друга совсем не случайно. Что к концу восемнадцатого века христианский мир переживал идейный кризис, стало несомненным: мыслящие люди искали выход. Некоторых действительно заносило к радикальным выводам – христианство, полагали они (любая религия вообще!) как мировоззренческая конструкция себя исчерпало. Другие, более проницательные, видя огромный потенциал христианства, находили, что оно нуждается в обновлении, в приспособлении к современным условиям – и едва ли не у каждого такого философа имелся наготове личный проект обновления.

Очень вероятно, что похожим образом мыслила и Екатерина. Она не была, конечно, безбожницей, к традиционному русскому православию относилась скорее всего, с улыбкой, однако находила его политически выгодным для себя и оберегала от всяких суетных ухищрений вроде масонских. Но при этом, стремясь идти в ногу со своим временем, она наверняка усматривала в модных «просветительских» теориях нечто, обладающее значительным мировоззренческим потенциалом, способное выправить очевидные социальные недостатки. Угадывала ли она, что симптомы кризиса чре-

ваты сильнейшим потрясением, через несколько лет разразившимся в христианском мире и ставшим, очевидно, точкой перелома всемирной истории?.. Вероятно, нет; во всяком случае, она слишком уж увлеклась популярными и поверхностными теориями: при всей своей осмотрительности она не предвидела, каким чудовищем может стать «свободный» человек – тот самый, разум и величие которого так горячо проповедовали просветители.

Термин «свободный» взят в кавычки ясно, почему. Просветители, а вслед за ними революционеры толковали идею свободы убого, а уж попав в массы безграмотных людей, это убогое толкование превратилось в глубокую дегенерацию высокой, в сущности, идеи. Свободен! – значит, можно всё, а самое приятное из этого всего – делать гадости.

Жил в те годы (1740–1814) такой мыслитель и освободитель человечества как маркиз Донасьен Альфонс Франсуа де Сад – его личность и «труды» есть гротескная, омерзительно-смешная, но по сути справедливая карикатура на французское просветительство; стоит заглянуть в эти самые «труды», чтобы увидеть в них мысли Вольтера, Дидро, Гольбаха в исковерканном виде, словно отражённые в кривом зеркале.

Это вовсе не значит, что философия Просвещения – пустой никчёмный вздор. Графоманство де Сада – в самом деле карикатура, а карикатура есть всегда гиперболизация

неких сторон явления, в данном случае худших сторон. А были ведь и лучшие стороны! Разумеется, в идейных поисках XVIII века имели место действительно ценные находки, и сами поиски эти велись из лучших побуждений. Но в том-то и состоит драма – не только Просвещения, многих других гуманитарных концепций – в противоречии между замыслом и результатом.

Не избежал увлечения расхожими идеями и Александр. Но с годами он сумел отделить чистое от нечистого, реально оценил то лучшее, что было в поветриях его юности: пусть банальное, ходульное, но было. «Намерения важнее результата,» – говаривали древние китайцы; тезис, с которым можно не соглашаться, но к которому нельзя не прислушаться. Если намерения юноши сделать этот мир прекрасным наивны, но благородны, то это достойно уважения: не так уж часто встречается подобный аристократизм духа. Бывает, правда, что в ком-то ребячество тянется вплоть до зрелости, и даже перезрелости, и это выглядит и смешно и грустно... Но речь всё-таки не об этом. Сложные, многомерные жизненные обстоятельства по-разному влияют на молодых романтиков, делая из них со временем очень разных людей: не исключение и Александр. Время изменило его; не миновал метаморфоз – хотя и проявил редкостную закоренелость в прошлом – самый знаменитый из его учителей, намного переживший своего ученика (везло царевичу на долгожите-

лей-наставников! если б они ещё и секрет долголетия ему могли передать...). Речь о Фредерике Лагарпе.

В жизни этого человека полно причуд: начиная с имени и фамилии. В том, что люди берут себе псевдонимы, наверняка всегда есть что-то глубинно– или высотно-психологическое, во фрейдистском ли духе, напротив ли, в религиозном – но в любом случае псевдоним суть кодификация явного, потаённого или неосознаваемого желания заключить какой-то особый персональный договор с судьбой. Потомок франкоязычных швейцарских дворян де Ларпазов взял себе фамилию Лагарп (или де Лагарп – в зависимости от политической обстановки) – точно он, небесталнный и начитанный юноша, предвосхитил изгибы будущей своей биографии.

La harpe – по французски «арфа» (по английски – harp). Очень вероятно, что в выборе юного де Ларпаза прослеживается античный мотив: уже в детстве мальчик испытывал совершенно неподдельное восхищение перед древними греками и римлянами, точнее, перед собственным абстрактным представлением о той эпохе, считая её образцом интеллектуальной и гражданской жизни. Почему именно «арфа»? Возможно, изо всех мифических героев Орфей показался молодому человеку самым душевно близким...

Псевдоним псевдонимом, а что касается имени, то старик де Ларпаз – тоже, видно, поклонник античности – назвал сына Фредериком-Сезаром, соединив имена двух любимых

своих деятелей: прусского короля Фридриха II (Александрова крёстного) и Юлия Цезаря [91]. И магия имён сработала с чудовищно ядовитой точностью! С годами став профессиональным политиком, Лагарп считал, что он освобождает человечество от тирании; словно в насмешку над «освободителем», названным в честь двух если не тиранов, то жёстких, суровых самодержцев, судьба превратила его в деспота, в своё время вынужденного спасаться бегством от соотечественников... Английское *harp* также не зря упомянуто выше. И оно прозвучало иронической нотой в жизни незадачливого либерала, ибо помимо «арфы» имеет ещё одно, несколько жаргонное значение: «бубнить одно и то же; тянуть одну и ту же песню». Именно этим Лагарп и занимался на протяжении многих лет, не замечая – или не желая замечать?.. – что живая жизнь никак не укладывается в его косные идеологемы. Правда, покуда он оставался теоретиком (а точнее сказать, говоруном) свободы, его мысли и действия друг другу не противоречили, ибо действий как таковых не было. Но вот на практике всё вышло совсем иначе...

Однако, не следует забегать вперёд. Возвращаясь в юность Лагарпа, надо отметить следующее: Швейцария в те годы, как и сейчас, была конфедерацией нескольких кантонов, и выпускник Тюбингенского университета оказался в должности адвоката в одном из самых консервативных, находящихся под властью города Берна. Отдадим должное молодому адвокату: заподозренный властями в излишнем радикализ-

ме, он не отрёкся от своих взглядов, после чего Бернская коллегия адвокатов объявила ему, что в его услугах более не нуждается. Куда податься?.. К тому времени в Северной Америке уже произошла революция, колонисты сбросили власть английского короля, основали Соединённые Штаты. Многим жаждущим перемен европейцам эта новая страна представлялась воплощением их мечтаний: свободные люди строят свободное общество!.. Мысль отправиться за океан у Лагарпа возникала, но всё-таки совокупность обстоятельств обернулась так, что поехал он не на запад, а на восток. Повод к тому случился вроде бы ненароком... но очевидно, что случайностей на этом свете нет.

Почему Лагарп принял предложение русского двора? По причине вполне банальной: слава Екатерины как императрицы-просветительницы уже давно гремела по Европе, имя её упоминалось в одном ряду с именами Вольтера, Дидро, Руссо... Подкреплялось это умелой культурно-пропагандистской политикой: Дидро, общеизвестно, последние годы провёл на полном Екатерининском пенсионе – и, отрабатывая свою счастливую старость, глаголил на весь свет Божий, устно и письменно, о великих достоинствах русской царицы.

Говоря современным языком, Екатерина умела подать себя. У людей, подобных Лагарпу, складывалось мнение о ней, как о их единомышленнице, мудро воспитывающей (т. е. приобщающей к вольтерианско-просветительскому мировоззрению) полудикий, но тем самым и не испорченный,

очень перспективный народ, едва ли не *tabula rasa*, который впоследствии, возможно, станет основой нового, разумного, справедливого социума... В известном смысле нечто подобное и было: Екатерина общалась с Вольтером и Дидро, конечно же, не только ради рекламы. Она искала в их учениях то дельное, что можно было бы применить в царственной практике. Другое дело – она не забывала, какой трудной страной руководит, и что здесь прежде чем отрезать, надо отмерить не семь, но семьдесят семь раз. Своих высоколбых друзей она слушала, будучи себе на уме – и как позже выяснилось, хотя и сама не всё умела предвидеть, правильно делала.

Лагарп с энтузиазмом принял приглашение состоять при особе юного великого князя. Правда, получилось недоразумение: швейцарцу предложили должность учителя французского языка, в то время как он рассчитывал стать универсальным наставником царевича. Выяснение отношений несколько затянулось... но компромисс был найден. И начать пришлось всё-таки с французского. Это было осенью 1784 года.

Стоит запомнить эту дату. Занятия Лагарпа с Александром длились десять лет: с 1784 по 1794 год, то есть с семилетнего возраста ученика до семнадцатилетнего – стандартный возрастной период средней школы. От французского языка перешли к геометрии, ну а потом постепенно к тому главному, чем так жаждал просветить воспитанника учи-

тель: «науке гражданственности, свободы и равенства», иначе говоря, к социальной философии и политологии.

Александр был восхищён этими уроками, и чувство благодарности к учителю сохранил навсегда, хотя с годами в области духовных исканий далеко ушёл от бывшего наставника, и ничего, кроме воспоминаний, между этими людьми не осталось... Должно быть, Лагарп и вправду был отличным лектором: умел рассказывать ярко, красочно, убедительно. Вообще, артистизм лектора – именно лектора, не учителя в школьном смысле, а профессора высшей школы, и особенно в гуманитарных дисциплинах – важнейшая составляющая профессионального успеха. Лагарп обладал таким даром, и его занятия действительно были настоящими сеансами мастера художественного слова – в том сомневаться нечего. Однако...

Однако, вновь дадим слово Ключевскому.

«Во всём, что он [Лагарп – В.Г.] говорил и читал своим питомцам, шла речь о могуществе разума, о благе человечества... о нелепости и вреде деспотизма, о гнусности рабства... Лагарп не разъяснял ход и строй человеческой жизни, а подбирал подходящие явления, полемизировал с исторической действительностью, которую учил не понимать, а только презирать. Добрый и умный Муравьёв подливал масла в огонь, читая детям как образцы слога свои собственные идиллии о любви к человечеству... Заметьте, что всё

это говорилось и читалось будущему русскому самодержцу в возрасте от 10 до 14 лет, т. е. немножко преждевременно. В эти лета, когда люди живут непосредственными впечатлениями и инстинктами, отвлечённые идеи обыкновенно облекаются у них в образы, а политические и социальные принципы становятся верованиями. Преподавание Лагарпа и Муравьёва не давало ни точного научного реального знания, ни логической выправки ума, ни даже привычки к умственной работе...

Высокие идеи воспринимались 12-летним политиком и моралистом как политические и моральные сказки, наполнившие детское воображение не детскими образами и волновавшие его незрелое сердце очень взрослыми чувствами... Его не заставляли ломать голову, напрягаться, не воспитывали, а как сухую губку пропитывали дистиллированной политической и общечеловеческой моралью... Его не познакомили со школьным трудом, с его миниатюрными горячами и радостями, с тем трудом, который только, может быть, и даёт школе воспитательное значение» [35, т.5, 188].

В этой обширной цитате очень точно подмечен главный субъективный недостаток Екатерининской педагогической методы. Преподаватели – умные, знающие, талантливые люди: Лагарп, Муравьёв, отчасти, возможно, Самборский – обращались с воспитанниками как со студентами, достаточно взрослыми людьми, уже прошедшими среднюю школу, с её

рутиной, дисциплиной, нудными ежедневными упражнениями – со всем тем кропотливым и незаметным трудом, в котором закладывается основа будущей духовной и интеллектуальной деятельности. Но ведь воспитанники были детьми! Никакой самый лучший лейтенант не сможет командовать полком – для того должно пройти всю цепочку назначений: взводный, ротный, батальонный командир... Екатерина же и её профессура взялись возводить роскошный дворец если не на песке, то во всяком случае, не на прочном надёжном фундаменте.

Выше отчасти говорилось об этом в извинительном для императрицы тоне. Действительно, ей приходилось быть превопроходцем, ибо системы государственного образования в России тогда практически не было. Классические средние школы, те самые «царские» гимназии, о которых нынче говорится столько хвалебных слов (и заслуженно, ибо они с честью прошли испытание временем: советские школы послевоенных лет стали в значительной степени слепком с гимназий, современным же и вовсе поспешили вернуть это название, звучащее как символ качества), в массовом порядке появились только в 1804 году (по указу главного героя этой книги!). Так что можно считать Александра с Константином подопытными кроликами педагогических экспериментов.

То, что моральные и политические премудрости внедрялись в неокрепшие головы – просчёт Екатерины. Другой серьёзный просчёт относится именно к Лагарпу; о нём также

было упомянуто прежде, но сейчас пришло время остановиться на том подробнее.

Собственно, это не частный Лагарпов просчёт, а системная ошибка всей просвещенческой идеологии, грубо упрощённого, всё и вся схематизирующего рационализма, прилагаемого к социальным реалиям. Говоря о свободах и правах человека, гражданских равенстве и справедливости... обо всех этих ценностях, имеющих, бесспорно, моральный характер, просветители исходили из их гипотетического приоритета, полагая при этом, что всего упомянутого в современном мире нет, современный мир плох – и свои цели-идеалы рисовали не столько самостоятельными ценностями, сколько на контрасте с окружающими реалиями. Эти реалии были полны пороков, бед и даже гнусностей – совершенная правда. Бороться со злом – мысль благородная. Всё верно. Много и пылко провозглашалось тезисов о науке и прогрессе – тоже ничего против не скажешь. Но всё это, включая науку и прогресс, рассматривалось только как составляющие политической борьбы: а вот данный ход уже сводил все высокие послы в приземлённую тактику мелочных, слабо систематизированных действий.

Вообще, идеология – слово, приобретшее устойчивый политический оттенок благодаря веку XVIII-му и последующим; а в сущности, в коренной, исходной сущности, безо всякой смысловой аберрации – идеология суть не что иное, как комплекс базовых мировоззренческих постулатов: лич-

ности или некоей социальной группы. То есть, собственно, первично-социализированное мировоззрение, пред-философия. Идеология, конечно, может быть политизированной, то есть заострённой на том, чтобы кому-то одолеть своих оппонентов. Но ясно, что вершиной системы человеческих ценностей должно быть абсолютное – не отрицание чего-либо, и не такое положительное, которое выигрышно смотрится на фоне отрицательного, хорошее от противного, так сказать... Оно может, бесспорно быть ценностью, но лишь относительной, неспособной стать истинно прочным основанием адекватного мировоззрения. Абсолют как таковой, безотносительно к чему-либо – опора, стержень и небо-свод мироздания. Вот этого-то абсолютного позитива лишали себя некоторые интеллектуалы на протяжении всей мировой истории, в том числе «просветители», а за ними и сторонники более поздних течений, генетически восходящих к Просвещению.

Вообще, мировоззренческий релятивизм, с необходимостью включающий в себя релятивизм этический, несёт в себе неисправимый системный порок: если всякий объект для аутентичной его оценки нуждается в контр-объекте, то дальнейшее осмысление данных сущностей так или иначе, через больший или меньший ряд промежуточных умозаключений, заводит мыслящего в лабиринт бесконечно малых противоречий, подобных апориям Зенона. Это, наверное, не смертельно, но безнадежно, до смешного скучно, пусто и уныло.

Уныние суть один из смертных грехов – а его философским покрывалом как раз и становится дряблая материя последовательно проводимого релятивизма.

В разные эпохи и в разных устах он может являть себя по-разному, и отнюдь нельзя сказать, что в нём совсем нет ничего, никаких достоинств. Как вспомогательное средство, он в состоянии пробудить, активизировать мысль, заставить её двигаться... Но беда, если человек только в кругу относительных ценностей и замыкается – тогда, собственно, его мировоззрение не становится системой в полном смысле этого слова, оно бедно и слабо структурировано. В нём утрачено важнейшее онтологическое измерение: осознание Абсолюта и стремление к нему, что придаёт личности потенциал безмерного; реализуется он или нет – другое дело, но он есть. Релятивизм же принципиально исчерпаем; он способен быть интересным, увлекательным, блестящим... и всё это до поры до времени. Увлекательность непременно иссякнет, а блеск окажется мишурным – так как бесконечность вне Абсолюта может быть лишь «дурной», по выражению Гегеля.

Релятивисты разных эпох и племён достаточно различны. То, что утверждают одни из них, может противоречить высказываниям других... да и вообще, релятивизм – это не столько цельное осознание бытия, сколько социально-психологический типаж, если не один на всех, то, во всяком случае, эти люди очень схожи ограниченностью, философской косностью; впрочем, вполне могут добиваться солид-

ных успехов в той или иной интеллектуальной области: отсутствие метафизической системы тому вовсе не помеха.

Таким образом, ценностное сознание людей типа Лагарпа строилось не как самодостаточная сущность, а на «противоходе», отталкиваясь от недостатков и безобразий окружающего мира. Безобразия были отправной точкой мысли – немудрено, что такую мысль вело путями извилистыми и сумеречными. Лагарпа (и многих других) они научили благоговеть перед античностью: классические Греция и Рим представлялись золотым веком, а слова «республика» и «демократия» превратились в некие условные сигналы, действующие на молодых либералов как генеральские эполеты на прапорщиков и подпоручиков. То, что в тех античных республиках и демократиях часть людей людьми не считалась, что этих людей можно было продавать, истязать и убивать – законно, по всем правовым канонам! – прапорщиков от философии совершенно не смущало. Ну, убили, ну изувечили – так ведь по закону же, а не по произволу. Что в том плохого?..

Французский историк Ленотр писал об этом так:

«Невозможно и определить, какая для ответственности падает на тогдашнее легкомысленное преклонение перед античным миром в создании психики людей революции! Эти господа судили не Людовика XVI, а древнего «тирана». Они подражали диким добродетелям Брута и Катона. Челове-

ческая жизнь не в праве было рассчитывать на милость этих классиков, привыкших к языческим гекатомбам» [91].

Или вот ещё цитата, иллюстрирующая проблему – с другой мировоззренческой позиции, довоенно-советско-марксистской; здесь позиция «просветителей» критикуется за совсем иное, и тем более закономерно, что критика ведёт к практически тем же выводам:

«За исключением таких образцов человеческого общежития, как Греция и Рим, всё остальное в истории представлялось просветителям как плод дурного ума, как неразумная случайность, а современность рисовалась им в виде странной смеси добродетельных побуждений со стремлениями к грязной наживе. Подобным низким стремлениям они сочли возможным противопоставить только стоическую мораль и идеал чувственного самоограничения. Этот стоицизм выражен и в учении Винкельмана об «идеале» как «тихом величии» (stille Grosse), отвлечённом, подобно античной статуе от повседневно-эгоистических и чувственных влечений отдельных индивидов.» [т.9, 329]

Попутно заметим, что стоицизм как мировоззрение – Эпиктета или Марка Аврелия – глубже и интереснее «просветительства», ибо он, как бы там ни было, опирался на разумение несколько странно понимаемого, но всё-таки Абсо-

люта – о чём ещё будет сказано...

Впрочем, не в античности как таковой, конечно, дело. Она здесь не причина, а симптом. В пределах ценностной относительности нет сущностей как таковых – они присутствуют там лишь в сопоставлении с чем-то: сущность и противосущность, тезис и антитезис... что практически никогда не завершается синтезом. Если тот же Лагарп обрёл суждение: «современный мир плох» (аргументация прилагается), то вместе с этим не мог не обрести суждение противоположное: «значит, было в истории мира время, когда он был прекрасен». В данной оппозиции Лагарп не был оригинален: противопоставление плохой современности некоей волшебной эпохе – античности или ещё более баснословному «золотому веку» – было стереотипом торопливой и поверхностной мысли XVIII столетия, вздорным, но модным. Лагарп лишь усвоил этот штамп вместе со многими другими.

Теперь, с дистанции в двести с лишним лет дореволюционный европейский век № XVIII не без оснований представляется каким-то легкомысленным. Бездумно веселились аристократы – «после нас хоть потоп»; кружили головы проходимцы вроде Калиостро или Казановы; болтали умники-верхогляды – им казалось так просто переделать мир на основах разума и права... Разумеется, это не так, это скорее карикатура, чем картина: для большинства людей жизнь – трудовые, серые будни, что в XVIII веке, что в XXI-м. Но ведь карикатура, как известно, суть гипербола правды, и по-

тому на неё стоит взглянуть всерьёз. Властители дум и жизней человеческих частенько не сознают той ответственности, что на них лежит.

Видимо, не сознавал её и Лагарп, когда вдохновенными речами, подобно Орфею, очаровывал юношей. Да что Лагарп, сама Екатерина просматривала конспекты его лекций и нахваливала их... Однако, идиллия такая продолжалась до поры, а когда эта пора пришла, долго объяснять не надо: когда во Франции начала рушиться монархия.

Сначала, кстати говоря, сведения о парижских беспорядках в Петербурге восприняли если не со злорадством, то с ехидством и острословием... Между прочим, цесаревич Павел, к тому времени вполне взрослый человек, оказался проныцательнее матушки и вольтерьянствующих царедворцев: он распознал в этих беспорядках признаки грозы – а вот прочие спохватились лишь тогда, когда гром грянул.

Но спохватились-таки. Лагарп же своих убеждений не менял и симпатий к революции не скрывал. При дворе ему стало туговато. Потом во Франции дело быстро покатило к вопиющим безобразиям, начались террор и дикая «дехристианизация» – присутствие близ императрицы такого человека, как Лагарп, стало немислимым. В 1794 году, когда безумие террора ужаснуло даже и самих безумцев, Лагарп был уволен от должности наставника; впрочем, с полным пиететом, в должности полковника и с очень крупным единовременным пособием. Какое-то время он – видно, не так-то легко

отвыкать от придворной жизни! – пытался восстановить себя близ трона, однако, ничего из этого не вышло. В 1795 году Лагарп покинул Россию.

Не навсегда; и отношения с Александром на этом не прервались, хотя, конечно, столь близкой дружбы, как в юности одного и расцвете лет другого, больше не было никогда. Александр вырос, мужал; Лагарп, перевалив через пик своих политических успехов, стал стареть, причём именно «морально устаревать»: новый век нёс с собой, новую, сложную, быстро меняющуюся жизнь, а бывший царский наставник всё пребывал в плену обветшалых схем. Самодержец остался благодарен учителю за те давние детские впечатления, однако убеждения его изменились кардинально, произошла переоценка ценностей, и вдохновитель юности вместе с этой унесённой годами юностью и скудной низкопробной философией отошёл для Александра в давно прошедшее прошлое, *plusquamperfectum*.

Но это сделалось много лет спустя...

Вернувшись на родину, Лагарп с головой ринулся в политику. К этому моменту новорождённая Французская республика занялась «экспортом революции», одним из объектов экспорта стала Швейцария – а Лагарп, ясное дело, тут как тут, в первых рядах.

Вот ведь казус, достойный эпического пера: очень часто те политические силы, что находясь в оппозиции, громче всех требуют свобод и прав, захватив власть, немедля начи-

нают эти права истреблять. Подчинив Швейцарию, революционеры сразу отменили конфедерацию: страна превратилась в унитарное государство, так называемую Гельветическую республику (гельветы – древнее кельтское племя, некогда населявшее эти места) во главе с директорией – группой диктаторов, в числе которых был и Лагарп. Собственно, эта Директория была марионеточным правительством, полностью зависимым от Директории парижской. Обе они друг друга стоили, и граждан Гельветической республики обложили такими налогами, поборами и контрибуциями – для «дела свободы», разумеется! – что несчастным «освобождённым» просто никакого житья не стало.

В довершение всего члены гельветической Директории переругались и между собой. Лагарп между прочим явил себя незаурядным интриганом (годы при дворе даром не пропали): он фактически узурпировал власть, пользуясь поддержкой Парижа. Но тут и «большой», французской Директории пришёл конец: Наполеон разогнал это бесславное заведение, воцарился сам, стало ему не до швейцарских дел – своих забот выше головы [89].

Лагарпу в сложившейся ситуации не осталось ничего иного, как бежать во Францию – во времена консульства она всё-таки по инерции считалась ещё революционной, да собственно все властные места и занимали вчерашние революционеры, успешно растающие в новую жизнь. Они и пригрели дезертира. Но политическая его карьера на этом, по существу,

закончилась.

То, что Александр не забывал своего любимого учителя, переписывался и встречался с ним, делает императору честь. Пребывание на троне выветрило наивные иллюзии юности – но в том, что зрелый Александр, самодержец, политик и военачальник, сохранил глубокий, серьёзный интерес к «вечным» темам – есть и Лагарпова заслуга, несомненно. Духовные поиски русского царя приняли сугубо религиозный, христианский характер; вряд ли таковой была воспитательная цель Лагарпа, но тем с большим почтением мы можем оценить самого Александра: он сумел ответственно отнестись к мировоззренческим вопросам, по сути, проявил к ним философский подход. Он сохранил уважение к тому здравому и позитивному, что в просветительской идеологии было – и остался за это благодарен ей в целом и Лагарпу лично. Ну и, очевидно, не прошли всё же даром уроки Самборского, только действие их оказалось замедленным. Зёрна долго лежали в негостеприимной сухой почве, но дождались-таки живительной влаги и проросли.

Можно ли утверждать, что будущее актёрство Александра («в лице и в жизни арлекин»), зарождалось уже тогда, в детстве и ранней юности, и что тому способствовали его педагоги, чьи уроки давали даровитому ученику противоречивую информацию?.. В какой-то степени – не исключено. Возмож-

но, эта самая информация, ещё не осознаваясь как противоречивая, уже залегала где-то в разных уголках мозга... И всё-таки это не главное. А вот то, что корни лицедейства берут начало в детстве – совершенно так.

Юность царевича состояла, разумеется, не из одних учебных занятий, даже большей частью не из них. Так уж ему повезло – или, напротив, выпала беда?.. – родиться в «большом мире» политической власти. Но вот его младший брат Николай, тоже будущий самодержец, родившийся в том же самом мире, вырос совсем иным человеком! То, что в одной и той же семье вырастают разные дети, конечно, не удивительно, случается такое как во дворцах, так и в хижинах... Впрочем, разговор о загадках индивидуальных свойствах человеческих характеров неизбежно заведёт в непроходимые психологические дебри. А вот непосредственно воздействующая на личность среда: родители, близкие, место, время – это на виду, это мы можем рассмотреть и сделать кое-какие выводы...

Обстановка Екатерининского двора была нездоровой.

Собственно, вся придворная жизнь такова, как бы ни назывался этот двор: императорским, королевским, президентским, или же ЦК КПСС. Близость власти и денег – то есть, конечно, власти, ибо она сама собой означает контроль над огромным количеством денег, являясь таким образом специфичной экономической категорией – разлита в воздухе дурманом, ароматом белладонны, от неё люди шалеют, взор

меняется, меняются пульс, частота дыхания, состав крови...

Но и это, конечно, не является неким универсальным, всё объясняющим фактором. Да, в «большом мире» своя атмосфера, вернее, стратосфера. Но и в ней люди разные не только потому, что разные они от рождения – что суть аксиома. И стратосфера не одинакова.

Екатерина – даже Великая! – была женщиной. Власть женщины: хорошо это или плохо? Да так же, как и власть мужчины: и плохо и хорошо. Только плюсы и минусы другие.

Несложная психологическая закономерность: лесть, даже примитивная, на женщин действует неотразимо, и на умных, и на очень умных в том числе. И на великих. Двор Екатерины кишмя кишел никчёмными людишками: пройдохами, авантюристами или же просто низкими шутами, вроде упомянутого Пушкиным «Сеньки-бандуриста» [49, т. 7, 174] [С.Ф. Уварова; между прочим, отца будущего министра просвещения С.С. Уварова, автора знаменитой триады «православие – самодержавие – народность» – В.Г.] или незабвенного Максима Петровича из «Горя от ума» – фигуры собирательной, но благодаря Грибоедовскому гению совершенно реальной. Да, такая публика при власти – печальная издержка мироустройства, но дамское правление, особенно самодержавное, плодит подобных деятелей в ещё большей пропорции.

Разумеется – о, разумеется!.. – императрица умела привлечь к себе блестящих, талантливых, дельных людей. Митрополит Платон, Потёмкин, Безбородко, Суворов, Румян-

цев, Сумароков, Фонвизин, Державин, многие другие дипломаты, полководцы, мореплаватели, литераторы, учёные... Без них Россия никогда не смогла бы стать тем, чем стала. Но и никогда, пожалуй, российская власть не обростала таким количеством бессмысленных ничтожеств, как при «бабьем царстве» XVIII века, и в Екатерининское царствование в том числе. Приходится признать, что слабость Екатерины к лести отчасти проистекала из другой её слабости: пушкинское эпиграммическое «немного блудно» – всё-таки очень деликатная формулировка. Блудно было много и даже очень много.

Опять-таки смягчающее обстоятельство: страсти человеческие остаются страстями и на самых верхних социальных этажах, слабость эта, наверное, не самый тяжкий грех, и державные мужчины отличались и отличаются подвигами во владениях Эроса не в меньшей, а то и в большей степени. Однако, мужскому эросу промискуитет свойственен физиологически, женская же сущность по природе должна быть более консервативной. А вот Екатерина частенько злоупотребляла лёгкостью интимных сближений. Отсюда и пустые бездари, вдруг выскакивавшие в фавориты, а с тем и в эпицентр большой политики: Зорич, Ланской, Дмитриев-Мамонов, Зубов... Позолоченный мусор – они мигом тянули к себе своих дружков, таких же мелких прилипал, к тем тут же устремлялись их приятели... в итоге имела место цепная реакция, отягощавшая элиту некачественным кадровым мате-

риалом.

Всё это подрастающий великий князь видел и сознавал: в пределах юношеского разума, но и этого хватало. Можно не сомневаться, что он, бабушкин любимец, потенциальный наследник, служил объектом интриг со стороны фаворитов, фаворитов фаворитов, многоопытных придворных дам... Что уж там говорить – вдохновенные мифы Лагарпа, эти «моральные и политические сказки» смотрелись волшебной страной за тридевятью землями, прекрасной и волнующей – сравнительно с неприкрытым фарисейством двора. Конечно, чуткий, даровитый юноша грезил Лагарповыми утопиями. Грезам со временем пришёл конец, но добрые чувства к воспитателю воспитанник сохранил навсегда – видимо, так выгодно отличался швейцарец от «Сенек-бандуристов» и «Максимов Петровичей».

И ещё одно обстоятельство.

Мы знаем, что насколько Екатерина оказалась хорошей бабушкой, настолько же она была плохой матерью. Нет, она не была легкомысленной, беззаботной и разбросанной, какими обыкновенно плохие матери бывают – конечно, это не про неё. Но она не любила своего сына, Павла, держа его в постоянном напряжении и даже страхе.

Отчего? Не стоит пересказывать сплетни, даже если они и правдоподобны. Но несомненно, что-то глубинное, тяжкое, психогенное там было. Павлу Петровичу при царствующей матери жилось так, что не позавидуешь. Он боялся её, хо-

тя вряд ли она угнетала его как-то сознательно и изошрённо – в это не верится. Презирала, насмеялась, унижала – да, в это поверить легко. Наверняка бы не заплакала, случись что с сыном... Но мелочная мстительность не в её характере. Скорее, она просто не понимала, что сын страдает, да и просто не желала того понимать. Перед ней ежедневно вставало неисчислимое множество колоссального масштаба проблем, и среди такого сонма забот неудачный, погружённый в какие-то совершенно не понятные ей размышления наследник престола воспринимался лишь как одна из досадных помех. А с рождением двух внуков и эта помеха показалась императрице потенциально устранённой. Сын, посчитала она, нейтрализован, духовно подавлен, и всё что ему нужно – мирная жизнь в своей резиденции в Гатчине.

А это было совсем не так. Сын вырос человеком способным, волевым, с романтической душой, с сердцем, открытым «мирам горним», что, правда, иной раз ввергало его в какой-то нелёгкий мистицизм. Вообще, что-то было сбито в нём, хорошую в целом программу где-то заедало, и она вдруг ни с того ни с сего выдавала нечто непредсказуемое. И тут, наверное, нет смысла гадать, откуда такие «неожиданные реприманды»: наследственность ли виновата, трудная ли жизнь... Личность человека складывается из огромного, неисчислимого множества факторов, нюансов, мелочей – в этом психоанализ прав. Пустячный вроде бы случай, мимолётный поступок, невзначай оброненное слово в раннем,

раннем детстве, к зрелости вырастает в привычку, склонность, характер... а всё вместе это чертит линию судьбы.

Впрочем, все эксцентричности Павла так бы и канули в Лету, не окажись он на престоле – отчего и сложилась у правления императора Павла I репутация в чём-то незаслуженно, а в чём-то заслуженно трагикомическая, несмотря на все субъективно ценные начинания.

Нет, удивительный был всё-таки человек Павел Петрович Романов! Натура вроде бы твёрдая, целеустремлённая – но с роковой какой-то трещиной. Искренне стремившийся делать благо и делавший нелепости, нелепые тем более, что характер Павла Петровича в основе был цельным. Вот, вероятно, главное различие между ним и его первенцем: тот был раним, туманен и уклончив... или, вернее будет сказать, что его цельность имела иной мировоззренческий характер, более сложный и оттого была более уязвима. Правда, Александр ценой огромных издержек сумел сделать так, что эта система, несмотря на сложность и уязвимость, оказалась всё же более устойчивой...

Павел твёрдо сознавал, что он настоящий, легитимный император – в потенции, правда, а вернее сказать, как бы во временном изгнании; но истинный, не узурпатор, не похититель престола, как маменька. А идею монархии он, можно не сомневаться, воспринимал всей душой – и гораздо более в метафизическом, нежели в юридическом смысле. Его-то духовным наставником был как раз архимандрит Платон,

впоследствии митрополит: уж он-то умел внушать должное. Массонские же происки, сплетавшиеся вокруг наследника, усугубляли в нём (может и вопреки их инициаторам?..) духовное рвение. Монарх незримой прочной нитью связан с Небом – Оно ведёт, Оно хранит, и значит, что бы ни было, рано или поздно он, истинный монарх, должен воцариться. Небо не допустит несправедливости!..

Эта идея жила в наследнике, несмотря на страхи и сомнения. И он жил под её светом. Он готовился. Мать подарила ему Гатчину: пусть тешится, несчастный. А он не тешился. Он готовился всерьёз. Он знал: его час пробьёт.

И он не ошибся.

Предвидел ли это Александр? С достоверностью сказать трудно. Он известен в истории своим тяготением к высокой мистике – но это пришло к нему много позже, в зрелости... К тому же, разумеется, он не был так мистически одарён, как известные его современники: Серафим Саровский, монах Авель (Васильев). Но даже не предвидя – предположим! – ровно ничего, юноша Александр не мог не замечать эту отцовскую силу, его если не убеждённость, то твёрдую готовность принять волю небес. А вместе с тем юноша видел, что бабушка год от года стареет, дряхлеет, и Бог ведь каким боком может выйти дальнейшее... Как ему, хоть бы и в ранге императора, оставаться один на один с отцом? Вопрос!.. Конечно, хорошо бы – ах, как хорошо! – жить в утопии, где царит свободный разум, справедливые законы, всё устрое-

но и уравновешено – иначе говоря, в той стране, о которой так чудно, очаровательно, волшебным образом рассказывает мсье Лагарп... Но вот ведь незадача: кончается его урок, и исчезает сказка, и надо опять жить в этом грубом, трудном, надоевшем мире, со враждою бабушки и отца, с наглым Потёмкиным, с оравой его подхалимов, с фальшиво любезными придворными, каждому из которых что-то надо, и каждый нашёптывает, науськивает, доносит на других... а приходится всем им улыбаться, делать милый вид – словом, играть опостылевшую роль в дрянной пьесе.

Таким образом и формировался уклончивый характер будущего самодержца. Власть и притягивала и страшила его – он, пусть в потаённых, никому не высказываемых мыслях осторожно примерял на себя корону; не то, чтобы жаждал того, скорее, наоборот: то была непростая, невесёлая задумчивость. Всё же вероятность короны очень и очень могла состояться – и как тогда быть?.. И это ведь только думы! А в ломких придворных конъюнктурах юному принцу было совсем неуютно.

Так шло время, день за днём, год за годом. Оно менялось. Французская революция, к которой поначалу в Петербурге отнеслись как к занятой диковине, быстро показала свой бешеный нрав, отразилась в оккупированной Польше восстанием Костюшко... и тогда в Петербурге испугались, засуетились – хотя пугаться надо было, конечно, раньше.

Пошла реакция. Екатерина с некоторым запозданием со-

образила, что чересчур заигралась в вольнодумство. Впрочем, никто ведь из тех, образованных и просвещённых людей того века и представить не мог, что революция будет такой страшной – по наивности, недалёковидности ли, но не мог. Не знали, что в красивом кувшине сидит ужасный джинн. Потом, годы спустя, идейные потомки вольтерианцев неохотно признавали, что огромные тёмные массы простонародья («чернь») не были готовы, якобы, к свободе, что процесс должен быть осторожным, постепенным, длительным... В общем-то известный здравый смысл в таком духовном торможении есть, но принципиально это ничего не меняет.

Французская революция – и новое напряжение сил беспрестанно воюющей и подавляющей восстания Российской империи и самой Екатерины. А ведь она уже тридцать лет на троне. Тридцать лет! – подумать только. Здоровье начинает подводить. А тут эта смута на всю Европу, свои доморощенные якобинцы, да всякие пророки, юродивые, смутьяны... Царица спешит.

Великий князь не может взойти на престол неженатым: это моветон. Александр почти мальчик, но время не ждёт. Бабушка спешно находит ему невесту. Принцесса Луиза из курортного города Баден-Баден ещё моложе: жениху шестнадцать, ей четырнадцать, в наше время свадьба не могла бы состояться. Но тогда загсом была сама императрица, Луиза стала Елизаветой Алексеевной, и свадьба состоялась по всем православным обрядам. Отметим, что в очередной раз сумел

«попасть в случай» при этом Гаврила Романович Державин: воспел юную чету в обличьях Амура и Психеи («Псишеи» в тогдашней транскрипции)... Торжества длятся две недели.

В это время во Франции царит кошмар террора, Европу бьёт в лихорадке, империи, королевства, герцогства сбиваются в коалицию, на южных рубежах России после Ясского мира не очень спокойно, на западных – в добитой вроде бы Польше ещё неспокойнее... Время Екатерины тает, сжимается, убегает в никуда – такая вот теория относительности. Царица жаждет успеть всё.

Теряет лидерство Потёмкин. Вокруг трона взметается вихрь кандидатов в фавориты: «закружились бесы разны...» Фортуна попадает пальцем в Платона Зубова, юношу необычайно красивой наружности, и придворные острословы ядовито нашёптывают, что наконец-то на старости лет государыня обрела «платоническую» любовь.

Да, век Екатерины стремительно исчезал. Финал игры – а на лице судьбы всё та же непроницаемая маска, что в начале партии. Но царица надеется, что заслужила благосклонность таинственного партнёра: ведь ею воспитан будущий правитель России, благородный просвещённый муж – возможно, это самое главное, самое значительное достижение императрицы Екатерины II, важнее всех завоеваний и реформ. Ещё б только немного времени, немножечко, совсем чуть-чуть!..

А что же сам «благородный муж»? Для него эти последние годы «бабьего царства» были какими-то сумбурными. После устранения Лагарпа он практически забросил учёбу: без любимого наставника она стала ему неинтересна. Он женат – поначалу это показалось занятым, необычным, чувственно-пряным, но быстро наскучило. Не то, чтобы в молодом человеке не проснулись ещё мужские волнения – они то как раз имели место, однако, много ли нужно времени, чтобы их утешить? А кроме того они у великого князя проецировались более на дам и девиц взрослых, нежели на это юное существо... Тут ещё случилось нечто странное: к великой княгине Елизавете вдруг стал проявлять внимание Зубов [73, 94] – и так же внезапно отступился; вероятно, испугался утратить положение фаворита.

В это самое время Александр сближается с людьми, впоследствии ставшими его многолетними соратниками и друзьями в годы царствования: Адамом Чарторыйским, Виктором Кочубеем, Александром Голицыным, Павлом Строгановым. Всё это были молодые люди своего времени: острые, с блеском, с авантюрной жилкой – этакий сплав Чацкого и Д'Артаньяна. Их жизнь была полна приключений; все они, разумеется, были поклонниками «свободы» в самом смутном толковании этого слова. Французская революция? Стро-

ганов принял в ней самое активное участие: штурмовал Бастилию, вступил в Якобинский клуб, завязал шумный роман с inferнальной «звездой революции» Теруань де Мерикур... Невесть чем бы кончились его парижские похождения, если бы не пришлось отбыть в Россию по строгому приказу самой Екатерины, посчитавшей, что немислимо русскому аристократу брататься с одичалой чернью. Императрицу граф послушаться не мог (к диковинным извилинам его судьбы мы ещё вернёмся – они того стоят!).

Но никого из этих людей кровожадным зверем не назовёшь. Просто они горячо любили «свободу» и мечтали избавить мир от «тирании», принимая свои неясные понятия о том и другом за истину. Теоретическое республиканство не мешало Голицыну служить ловким царедворцем, а Кочубею – имперским дипломатом; с годами они сделались вполне здоровыми, солидными консерваторами. Правда, про Строганова этого не скажешь – он как-то так и не сумел остепениться... Но, в общем, все они в юности были неплохими парнями, а горячность и путаница в головах свойственны молодёжи всех поколений. В те времена вся эта компания вместе с Александром занималась необязательной болтовнёй, находя в том духовную пищу – что было совершенно безвредно и бесплодно.

Примыкал к кружку свободных мыслителей и человек постарше – Николай Новосильцев, отличавшийся от придворных радикалов более трезвым взглядом на вещи. И, видимо,

не в возрасте дело: скорее, по характеру он был сдержан и благоразумен; это помогло ему впоследствии не только достичь высших постов в имперской бюрократической иерархии, но и удержаться там надолго, пережив ещё двух императоров.

Предчувствуя трудные дни, Александр уклонялся как мог от официального титула наследника: догадывался, что случись такое, явной конфронтации с отцом он может не выдержать. И не только потому, что он слабее, хотя и поэтому тоже. Но прежде всего по причине самой простой, настолько простой, что опалённой, закалённой, огрубелой за годы большой политики Екатерине такая причина, вероятно, даже не приходила в голову: Александр любил отца.

Это не значит, что нормальные человеческие чувства были императрице чужды. Но любить такого человека, как Павел?!.. Этого она, видимо, осознать не могла. А ведь Александр помимо отца любил и её, бабушку – и значит, не мог открыться ни тому, ни другой. Клубок противоречий, недоверий, чьих-то корыстных и недобрых умыслов сплёлся в такой Гордиев узел, что несмотря на юность, Александр, подобно древнему своему тёзке, понял: этот узел уже не развязать. Только разрубить.

Правда, если Александр Македонский это сделал сам, то у Александра Романова такой возможности не было. Лезвием, способным рассечь его узел, могла стать лишь смерть кого-либо из двоих: Екатерины или Павла. Нелегко такое осо-

знавать, и Александру, конечно, очень хотелось бы, чтобы проблема как-нибудь растворилась сама собой... но он понимал, что это просто пустая мечта. Всё, что оставалось молодому царевичу – тянуть время, изворачиваться, ловчить и ждать...

И он дождался.

То, что Екатерина заслужила титул «Великая» – бесспорно. Она казалось, успевала всё, и всё у неё как будто получалось: управлять, воевать, строить, философствовать, основывать академии, университеты и журналы, писать законы, статьи и пьесы... Она пробыла на престоле 34 года – третий результат за всю тысячелетнюю историю России (больше, да и то формально, лишь Иван Грозный и Пётр I). За время её правления международный авторитет страны возрос неизмеримо, стратегическое положение за счёт побед армии и флота укрепилось могущественно. Проблемы? Их меньше не стало, ни внешних, ни внутренних – но их и никогда не бывает меньше. Так что – слава Екатерине Великой!..

Всё это правда. Но правда и в том, что Екатерина была прежде всего политиком, то была её стихия. Политика вообще не филантропия, а уж Екатерину никак не назвать самым щепетильным и стеснительным человеком в этом морально шатком деле. И весь внешний блеск империи достигался крестьянским и солдатским горбом – трудом и кровью простолюдинов, которых не жалели, точнее, просто не думали о них, как о людях, об их судьбах, радостях, печалях...

Судьба, и радость, и печаль – это для придворных, вельмож, ну, просто для дворян. А кто там внизу, далеко от трона – с такой высоты царица не различала. Она не была жестока к этим людям, нет. Просто не замечала и не различала их.

И Бог весть почему, судьба хлётко, с какой-то сверх меры издевательской фантазией, решила закончить столь пышное царствование столь безобразной сценой... Теперь Пушкинскую эпиграмму можно привести полностью:

Старушка милая жила
Приятно и немного блудно;
Вольтеру первый друг была,
Наказ писала, флоты жгла
И умерла, садясь на судно.

Под «судном» здесь имеется в виду известное санитарно-техническое сооружение...

Удар (инсульт по нынешнему) и падение с «судна» произошли утром 5 ноября 1796 года. Пушкин допускает маленькую поэтическую вольность: царица всё же умерла не на «судне». Ещё почти двое суток прошли в тяжких страданиях – и вот, в ночь с 6 на 7 ноября Ея Величество Императрица Всероссийская Екатерина II отошла в вечность.

Со смертью Екатерины женское царство, процветавшее на Руси едва ли не весь восемнадцатый век, закончилось навсегда. Пока – во всяком случае. Что будет дальше, неизвестно, но как 7 ноября 1796 года вокруг российской власти нача-

лись, так и по сей день идут мужские игры.

Глава 2. Сын, отец и тень бабушки

1

Изо всех русских монархов Павел взошёл на престол самым зрелым мужчиной – стукнуло ему целых 42 года. По нынешним временам возраст для правителя юношеский, но тогда и продолжительность жизни была много короче, чем сейчас, и выросли люди куда раньше... Учитывая, что Романовы вообще не долгожители, царствование Павла в принципе не должно было быть долгим – оно же по известным причинам стало совсем коротеньким; не самым кратким в отечественной истории, но одним из самых.

Однако, эти несколько лет вовсе не стали бесследным мигом, промежутком, каковыми чаще всего бывают подобные исторические эпизоды. Кто сейчас помнит о таких наших правителях, как Фёдор Алексеевич, Пётр II, Константин Черненко?.. Да практически никто; во всяком случае, в живой активной памяти большинства людей вряд ли фигурируют эти личности. Но Павел I – это кипы исследований, легенды, мифы, книги, кинофильмы, тайны! Почему так? Отчего те четыре с половиной года стали эпохой?.. Об этом и пойдёт речь.

2

Первый ответ, который в голову приходит, совершенно естествен: видимо, Павел был незаурядным человеком. И это правда. Но не вся. Он был не только незаурядной, но трагической, печальной личностью... Надо сказать, что судьбы талантов складываются очень по-разному. Есть счастливые: их талант чудесно попадает в такт с окружением, и тогда окружения-то будто бы и нет – оно послушно стелется под беспечного счастливчика. Не надо понимать слово «беспечный» как иронию: в данном случае оно говорит о высшей степени благосклонности Неба к человеку – что, впрочем, не гарантия земного благоденствия... Жизнь человеческая слишком сложная материя.

Почему и каким образом определяется и создаётся эта гармония таланта и обстоятельств? – вопрос, на который философия отвечает вот уже не первое тысячелетие; особенно стойки потрудились на данном поприще... А ответа так и нет, точнее, сколько мыслящих личностей, столько и ответов. И будет ли когда-нибудь один на всех?..

Судьба Павла Петровича Романова сложилась трагически.

Именно так. Назвать её неудавшейся, пожалуй, было бы натяжкой. Миллионы людей на этом свете, прожившие свои жизни впроголодь, в нищете и неприкаянности, наверняка

представить даже себе не могли, что существует такая роскошь, в коей родился и жил Павел Петрович. Да что там голодные, сырые, убогие! Буквально наперечёт, единицам изо всех прошедших и идущих по Земле, довелось испытать власть и могущество, равные власти этого человека.

Да только власть и могущество – не счастье.

Впрочем, сказать, что в жизни пятого русского императора счастья не было совсем, тоже неверно. Были, конечно, были мгновения надежды, веры и любви – прикосновения к счастью... Но это вправду были мимолётные касания, искорки, что вспыхивали и гасли в сумерках «большого мира», где Павлу, как и его детям, выпало родиться.

Его-то жизнь как раз явила собой нагляднейший пример расхождения между способностями и окружением. Вероятно, из него получился бы неплохой – а может, и замечательный, кто знает? – богослов, священник или философ. Дар душевной отзывчивости, дар чувствовать добро – вот, очевидно, главный, самый ценный талант Павла Петровича. Люди, столь одарённые, наверно должны быть монархами в полном, истинном, сакральном смысле слова... Должны быть – но в земном бытии смысл этот размывается, растворяется, и вместо идеальной монархии выходит нечто, лишь в большей или меньшей степени ей подобное, и чаще, увы, в меньшей. Нечего и говорить, что правление как бабушки Павла, Елизаветы Петровны, так и матушки его – на освящённую Божественной санкцией власть правды и милосердия не походи-

ло ни в малейшей степени... Елизавета о том, похоже, вообще не задумывалась, а эпоху Екатерины можно назвать победоносной (по внешним показателям!), саму Екатерину – отличным, эффективным руководителем, но вот уж кем её никак не назовёшь, так это воплощением монархической идеи. Умная, властная, жёсткая, насмешливая, циничная – совокупность качеств, наверное, удачная для топ-менеджера, но слабо сопоставимая с представлением – перефразируя Конфуция – о «благородной жене», матери, защитнице и наставнице подданных.

Не стоит строго судить Екатерину. Она бесспорно хотела видеть Россию мощной, преуспевающей державой – и во многом этого добилась. Совершалось это непомерным напряжением, трудом и бедностью народа: это верно, и тут восторгаться императрицей не за что, но всё-таки она действовала не так страшно и дико, как, скажем, Пётр I, достигавший той же цели... Правила же дворцовых игр, в том виде, в каком они сложились к середине XVIII века, тоже не Екатерина придумала. Она охотно стала в них играть и преуспела – желающих поучаствовать было много, а выиграла именно она.

А вот её сын этих правил не принял, вместе с пошловатым вольтерьянским скептицизмом, который плоским натурам казался блистательно остроумным. Павел – человек, быть может, не «быстрый разумом», подобно Ньютону, однако, духовно, религиозно одарённый, в этом нет сомнений

(правда, свою одарённость он не сумел реализовать, но это другая тема, к которой мы обратимся позже)... Пошлость, ложь и грязь придворной жизни он воспринимал совсем не так, как царедворцы, из коих одни были простодушно рады тому, что они при кормушке, другие упивались «чашей бытия»: интриги, тайны, страсть и власть... а иные – «мудрецы» – несли бесстрастно-надменную улыбку сфинкса на устах: всё, мол, видим, всё сознаём, сами грешим... но что ж делать? такова жизнь. Мы живём ею, только и всего.

Павел, в силу своей искренности и честности так жить не желал. Высокое предназначение монарха он сознавал всерьёз – нашлись воспитатели, которые сумели внушить ему это. И уж, конечно, мысль о том, что он-то, Павел Петрович, и есть истинный, законный император, прочно овладела им, несмотря на то, что он совершенно реально отдавал себе отчёт в том, при власти матери ходу ему не будет. Но...

Но синтез этой мысли и идеи сакральности монархии дал закономерный результат: правда восторжествует. Должна восторжествовать. Не может не восторжествовать! Не может быть того, чтобы настоящий самодержец остался вне трона. Это не по-Божески.

Так хотел верить Павел. Очень хотел! Но...

Но очень хотеть верить – это всё-таки не вера.

Вера – это особое состояние души, открывшийся духовный взор, те ландшафты времени и пространства, что обычному глазу не видны. Этот взор вместе со многим прочим

даёт и уверенность: человек не боится будущего, потому что знает его и к нему готов.

На Павла Петровича это не похоже...

Он будущего страшился. Убеждённость в том, что силы высшие поддержат, защитят законного монарха, перемежалась в нём с приступами малодушия и паники: а вдруг этого не случится?.. Значит – включалась сверх-логика – я всё-таки не настоящий. Подкидывай, подменяй! Вот ведь что особенно больно и досадно, что терзает сердце! Где уж тут величавость, простота и безмятежность духа, присущие обладателю истинной веры!.. Потому-то юного – а затем и не очень юного цесаревича и бросало из крайности в крайность, от веры к страху, от надежд к отчаянию, от любви к ненависти... А происходящее вокруг него только и делало, что расшатывало его душу.

3

Мы говорили уже, что обстановка Екатерининского двора была неблагополучной. Да, всякая власть живёт в нелёгкой ауре. Но когда власть – подлинная, реальная власть – находится в цепких женских руках, то аура эта обретает аромат едкий, пряный, очень особенный. И не только в банальном эротизме тут дело, хотя и в этом тоже. Однако, если б даже эротического мотива и не было, всё равно приходится признать иную природу интриганства. При дворе, возглавляемом женщиной, большие шансы на успешную карьеру имеют те мужчины, которые имеют нечто женоподобное в своей натуре.

Здесь необходимо пояснение. Речь вовсе не идёт о субъектах жеманных, плаксивых, слабовольных и т. п. Таким в политике не место. Но душа человеческая – субстанция сложнейшая, крайне причудливая, очень непредсказуемая... И у вполне волевых, жёстких мужчин с прекрасными деловыми качествами встречаются в характерах странные изгибы, присущие более женской, нежели мужской природе, и эти изгибы входят в незримое, но прочное притяжение с психикой царственной дамы. Возможно, она и сама о том не думает, но взор её бессознательно тянется в сторону подобных людей, и они при прочих равных условиях получают заведомое карьерное преимущество. Ну, а затем в действие вступает тео-

рия вероятности... и императорский двор отчасти превращается в паноптикум.

В подобной беспорядочной атмосфере и рос юный Павел. Понятно, что он, официальный наследник престола, весь был опутан липкой паутиной хитроумного политиканства. Разумеется, со временем нашлись добровольные осведомители: мальчик узнал много интересного: и что отец его умер вовсе не от «геморроидальных коликов», как сказано в официальном заключении; и что мать похитительница престола, что она, вероятно, думает и его, сына, убить, ей это ничего не стоит [73, 13]. Или не убить, так заточить в Шлиссельбурге, как несчастного Иоанна Антоновича... которого, впрочем, в конце концов тоже убили.

Надо полагать, что остороженнько рассказывая наследнику об этом обо всём, опытные интриганы умели прослезиться в должном месте, умели до боли зацепить детское сердце. Однако, вряд ли эти действия, вместе взятые, составляли единую систему. Просто разные деятели с разными целями снабжали юношу сведениями разной степени грязности и лживости – при том, что грязь и ложь так или иначе в рассказах присутствовали. Блуждала, и до сих пор имеет хождение, в числе прочих, версия, согласно которой отец Павла – вовсе не Пётр III, а тогдашний тайный фаворит Екатерины (ещё не царицы) Сергей Салтыков [36, 310]... Подобные «информационные потоки», иной раз, может, и без злого умысла со стороны информаторов, душевного здоро-

вья и спокойствия Павлу, естественно, не добавляли. Да что там говорить! Неокрепшую психику юноши рассказы царедворцев просто разрывали на части. Способный мальчик с богатым воображением пугался своей же возбуждённой фантазии, а та успешно подпитывалась пресловутыми «добожелателями»... И тут как нельзя кстати – куда же без них! – захлопотали, как летучие мыши, зашелестели вокруг наследника носители таинственного масонского глубокомудрия.

4

О влиянии масонства на Павла написано много, о масонстве как таковом ещё больше. Писания эти крайне противоречивы, пристрастны, эмоциональны – что совершенно естественно, когда речь идёт о социальной доктрине, задающей живые человеческие судьбы. Гуманитарная наука в принципе не может быть внемифологичной, это правда. Однако, главная трудность методологического характера здесь состоит в том, что чрезвычайно сложно уловить грань между мифологизмом как художественной правдой – и идейной предвзятостью; трудно остановиться вовремя, так, чтобы увлечённость, образность и стилистический блеск не превратились в манию, при которой под теорию подвёрстываются все факты подряд, как у человека, страдающего маниакальным бредом преследования или величия.

История тайных обществ – наверное, самая благодатная почва для расцвета подобных теорий. В том, надо сказать, есть особая, изошрённая такая справедливость: бурная, бьющая через край фантазия исследователей – вполне логичное продолжение фантастического антуража, коим окружают себя теневые деятели... Впрочем, действительно говорить о нейтральности в гуманитарно-социальном измерении можно лишь условно. Но тем более следует помнить о сдержанности и толерантности, когда речь идёт о столь слож-

ных, многомерных реальностях, ограниченно формализуемых. Неизбежный агностицизм в субъект-объектных отношениях не так беспощадно-очевиден в гуманитарной сфере, как это проявляется в точных науках (если взглянуть на них философским взором, разумеется!) – и тем коварнее. Тем труднее заметить неуловимое, непознанное, его странную игру с нами, полную причудливых изгибов, в каждом из которых так легко попасть впросак...

Понятно, что на этих страницах нет возможности подробно рассматривать социально-исторический феномен масонства. Поэтому далее будут изложены лишь выводы, к которым должно привести диалектическое, без крайностей изучение. Соглашаться, не соглашаться, дискутировать либо отвергать – полное право читателя, и остаётся надеяться, что уважаемый читатель этим правом воспользуется...

Итак, выводы.

Когда исследователи масонства говорят о его корнях, то непременно тревожатся тени пифагорейцев, катаров, тамплиеров... говоря вообще, членов мистических тайных обществ, имевших место в Европе в разные эпохи. Эта формулировка: «мистические тайные общества» – достаточно внятно очерчивает предысторию и суть предмета; речь идёт о скрытных собраниях немногих, поставивших целью достижение некоего духовного могущества в тайне от остального мира. Что, собственно, и определяет отношение непричастного «остального мира» к секретным мудрецам: от холодно-

вато-отстранённого неприятия до объявления беспощадной войны им всем, и масонам в том числе; ибо духовное могущество – вещь весьма опасная, обоюдоострая; не подкреплённая нравственно, она обращается в разрушающую и саморазрушающую силу.

Здесь может возникнуть довольно резонное соображение: если вспомнить раннюю историю христианства, то разве не подобные же тайные общества увидим мы? Небольшие группы людей собирались где-то в катакомбах, прятались, секретились... В чём разница?

Разница есть. Она – в исходной мотивации, определяющей этическую ценность учения. Первые христиане, таясь от враждебного к ним мира, не считали себя обладателями тех качеств, что возвышают их над прочими людьми, делают особенными – теми, кому доступно то, что другим знать незачем. Наоборот: они хотели, чтобы полнота бытия была доступна каждому, всем до единого, чтобы никто не оказался брошенным, несчастным, позабытым... В этом-то и заключалась упомянутая нравственная крепость! Христиане собирались, не думая о том, что они – элита. Они стремились изменить этот несправедливый мир любовью к нему, а если мир не понимал их, они терпеливо ждали, не отступаясь от своей веры, и мало-помалу их и в самом деле начинали понимать – понимать, что эти люди хотят всем настоящего, а не фальшивого добра, и многие из тех, прежде враждебных, сами становились христианами.

Разумеется, было бы ошибкой, опираясь на эту – несомненно, верную – посылку, идеализировать историю христианства. Часто благие намерения воплощались в действиях нелепых и даже безобразных; осознавая или хотя бы ощущая его идейную мощь, к христианству тянулись и тянутся (или отталкиваются от него), очень разные люди, отчего эту историю, в сущности, правильнее было бы назвать «околохристианской». Гностики, ариане, те же самые тамплиеры и масоны – все эти течения рождались именно около христианства, по разным причинам, это шло разными путями, иной раз открыто противопоставляло себя – но самое противопоставление говорит о том, что люди, это делавшие, находились в идейной орбите христианства, создававшего колоссальную гравитацию любви.

У обществ сектантского типа (при очень разных конечных целях!) исходная психо-мотивация одинакова, причём и в языческом мире, и в христианском – что у пифагорейцев, что у тамплиеров с масонами. В данном смысле их духовное родство подмечено совершенно точно. Во всех этих случаях главная притягательная сила тайных обществ в том, что их члены испытывают неизъяснимое упоение превосходства над другими: они приобщены к великим тайнам, они – сила, власть!.. Да ещё власть-то какая: скрытая, неведомая, непостижимая! Причастность к ней волнует, будоражит куда острее, чем власть «просто так», банальная и рутинная, вроде чиновника в кабинете.

Это не значит, что все теневые секты одержимы жаждой овладеть миром, хотя по преимуществу целеполагание именно такое. Но нередко люди вступают в общества из самых чистых побуждений. Эти люди жалеют человечество, заплутавшее во тьме невежества – жалеют снисходительно и чуть брезгливо. А иногда и брезгливости никакой нет: только жалость и желание помочь. Но все такие люди точно знают, что человечество не готово к свету подлинных истин, к свободе, вообще не умеет самостоятельно мыслить – и потому-то они, тихие, незаметные мыслители, должны аккуратно, как поводырь слепца, вести этот неважный мир к его же счастью... И они со скромной гордостью возлагают на себя это бремя.

Вот в том и есть ключевая разница, при всевозможных исторических и индивидуальных нюансах. Суть великой религии – любовь, суть тайного союза – гордость. И это раз и навсегда ставит их по разным местам. Из гордости могут исходить благородные мысли и поступки, способные притягивать чистых душой людей. Ото всей своей чистой души они хотят творить добро, и творят его – но происходит это в ущербном этическом пространстве, безнадежно урезанном исходной мировоззренческой посылкой. Хорошие, честные люди, прельщённые таинственным могуществом, могут этого не замечать – но те самые рядовые, принижённые жизнью бедолаги, к которым и обращены благодеяния – о, вот они-то это всё прекрасно замечают!.. И отнюдь не всегда проникаются благодарностью к «избавителям». Одно дело, когда к

тебе идут с любовью бескорыстной, как равный к равному, и ты чувствуешь, что без тебя, оказывается, этот мир не полон – и совсем другое, когда кто-то, ласковый и важный, снисходит до тебя, и ты видишь всё своё ничтожество рядом с ним.

Душа наша действительно загадка. Милость человека высшего кем-то воспринимается как оскорбление – такое особо утончённое, под видом милости демонстрирующее превосходство одного над другим. И уж конечно, в чьём-то болезненном самолюбии вспыхнет невыносимая обида: для такого самолюбия нет ничего хуже, чем знать, что кто-то выше, умнее, мудрее тебя... а особенно, особенно! – то, что этот премудрый снизошёл до тебя и решил, куда тебя вести. Какая следует реакция – гениально описано в «Записках из подполья» Достоевского, хрестоматии патологически обиженного самосознания, пугливо прячущегося в глубине ничтожной личности. При этом герой «Записок...» неглуп – бывают умные ничтожества; они-то и есть самые несчастные среди них, именно из-за своего ума. Такой человек, ненавидя мир, ненавидя себя самого, но и питаясь болезненной любовью к себе, обычно забивается в свой одинокий угол, чтобы жизнь не трогала его – там, в углу, он изолирует себя от того, что может терзать больное честолюбие. Там можно как бы не замечать великих и успешных, будто бы их вовсе и нет на свете: от этого душе завистника спокойнее.

И вот теперь представьте себе, что непрошенная сила вторгается в угол, и подпольный философ вдруг лицом к лицу

сталкивается с теми, кто выше и мудрее его, кто отныне поведёт его к счастью. Что будет с ним?.. Да ясно, что: весь скорчится от ненависти и бессилия. Правда, будет при этом улыбаться, кланяться, благодарить... Наверное, и поплетётся туда, куда поведут. Но только счастья никакого не будет. Никому. Не может оно быть насильственным. И даже тайным быть не может.

Потому-то на общества типа масонских и обрушиваются проклятия и обвинения в чудовищных вещах, вплоть до сатанизма... Обвинения эти большей частью бессмысленны, но не беспочвенны, и они на масонские головы – поделом.

И ведь вправду речь шла о лучших побуждениях! А ведь возможность тайной власти влечёт к себе публику самую разнообразную, отчего и последствия влечения непредсказуемы – проявляются они лишь со временем. Тогда-то всё встаёт на места: лучшие понимают, что попали не туда, пронырливые – что как раз туда, куда надо; злобные – куда надо плюс осознают возможность излить свою злобу... Вариаций много. И результаты разные: организация становится либо преступным сообществом, либо обыкновенной политической партией, либо окостенелой скучной традицией, либо исчезает без следа... Процесс самый закономерный и самый банальный.

Нет нужды останавливаться на том, где, когда и как возникли первые масонские ложи. Важно отметить, что середина XVIII века – по разным обстоятельствам – сделалась

такой средой, где бактерии подобного сектантства расплодились невероятно. Люди мыслящие искали выход из мировоззренческого кризиса, в коем, по их мнению, застрял мир. Романтики пленялись призрачно-оккультным флёротом. Циники ловко угадывали, куда им внедриться с выгодой для себя. Негодяи торжествовали, предчувствуя открывшееся им поле деятельности в рядах секретных орденов... Обыватели морочили друг друга дурацкими слухами.

Не рискуя судить о моральных качествах отцов-основателей масонства, можно не сомневаться, что многие из вступавших в орден и на заре «обществ вольных каменщиков», и в более поздние годы, были людьми искренними, честными и безвредными. Трогательно читать, как некоторые из них отчаянно убеждали себя в том, что они-то и есть самые настоящие, самые верные христиане:

«Учение св. Ордена, яко единое с учением Христовым, всегда было, есть и пребудет таинственным... для чего так же и преподаётся оно под символами и гзероглифами, как и Христос своё проповедывал народу в притчах; но сколько Иисус тайны царствия Своего открывал одним избранным своим ученикам, так и св. Орден, яко верная академия Христова, сообщает избранным токмо... таинства своя, состоящие в познании света природы и благодати, в познании времени и вечности».

Так писал русский розенкрейцер З. Карнеев [15, 215]. Упрекать таких людей и валить на них грехи потомков – примерно то же, что обвинять изобретателей автомобиля во всех дорожно-транспортных происшествиях; хотя и с одним серьёзным отличием. Людям, взявшимся решать социальные проблемы, надо быть поосторожнее с грядущим – а значит, повнимательнее с настоящим, а именно с моральным базисом своих теорий. Ясно, что это не просто трудно, это невозможно трудно. Но другого пути нет.

Этическая и мистическая база масонства, конечно, не могла идти с христианством ни в какое сравнение, чего, увы, не замечали даже самые честные, самые искренние... А где нравственная шаткость, там и ушлые проходимцы. К середине XVIII века такой публики среди «вольных каменщиков» набралось без счёта.

Парадокс – но расчётливость и цинизм Екатерины безошибочно помогли распознать в увёртливом словоблудии масонов лукавство. Царица насмешливо прозвала их «шаманами». А вот Павел, душа возвышенная и романтическая, шаманства не разглядел. И дело тут, надо полагать, не в загадочной псевдомагической обрядности – Павел был слишком неглуп, чтобы принять это всерьёз. Скорее всего, масонское учение показалось ему возможностью воссоединения расколотого христианства. Сам факт раскола Павел, очевидно, переживал глубоко. Ведь не должно такого быть! – а оно есть... Значит, надо сделать так, чтоб не было.

Придворные же масоны, закружившие вокруг наследника свой тихоструйный хоровод, о том вряд ли думали. Им совершенно было всё равно, кто как молится, крестится, в какую церковь ходит и ходит ли туда вообще. Они лелеяли мечту видеть на престоле единомышленника, собрата – и разумеется, не только доморожденные конспираторы, но и их европейские братья по разуму, которые наверняка приветствовали и поощряли старания русских соратников. Да и Павел, видимо, являл благодатный материал: нервный, неустойчивый, впечатлительный романтик – как раз тот самый психологический тип, что лучше прочих поддаётся «нейролингвистическому программированию». А потом, Павел был действительно мистически чуток, его жизнь полна видений, странностей и вещей снов... Вот только – уж воистину сапожник без сапог! – самый главный, самый трагический момент своей жизни император так и не угадал.

Слово за слово, умелые ловцы душ человеческих, масоны уловили Павла Петровича в сети. Опытный прожжённый политикан граф Никита Иванович Панин, блестящий молодой аристократ князь Александр Борисович Куракин, за богатство и роскошные манеры прозванный «бриллиантовым князем» – они, и многие другие, окружая наследника, ткали невидимую ткань, и делали это достаточно успешно.

Куда смотрел духовный наставник Павла – архимандрит, а впоследствии митрополит, Платон?.. Для него, образованного и талантливое богослова не составило бы труда опровергнуть в полемике любые хитроумия. Почему же он допускал посторонние влияния на цесаревича? Некоторые исследователи с недоброжелательством считают, что Платон сам был тайным масоном – в качестве примера приводя знаменитый отзыв митрополита о Николае Новикове [70, т.2, 352]... Эта недоброжелательная сентенция не представляется убедительной, хотя бы потому, что профессионалу этическая несостоятельность масонства сравнительно с православием очевидна. Почему же тогда владыка проявил настойчивую многих снисходительность?.. Сложно объяснить это одномерной причиной. Во-первых, придворные заводи глубоки и темны, одной теорией тут не обойдёшься, и даже учёному теологу всего не разглядеть. А во-вторых – и, очевидно, в главных – Платон, вероятно, видел в окружавших его людях, и в Павле особенно, настоящий, без притворства поиск истины, который водит человека долгими путями, может кружить, кружить, кружить по дальним перепутьям... Правда, может так и не вывести. Но тут уж никто, кроме самого человека сделать это не в силах. Помогать блуждающим, конечно, надо, а вот тянуть, толкать их силою пустое дело. К истине каждый должен прийти сам – кому, как не православному иерарху понимать это! В нелепой мешанине масонства, розенкрейцества, иллюминатства и ещё невесть

чего Платон, человек воистину просвещённый и толерантный, очевидно, сумел разглядеть чьи-то юность, наивность, духовную жажду; видел, что пена идейной моды неизбежна, она схлынет. А семена правды прорастут, пусть и не сразу...

И оказался прав. Как в смысле историческом, так и в персональном. С годами цесаревич, а затем император Павел сумел критически отнестись к увлечениям юности и отделить зёрна от плевел. Что действительно позитивного есть в декларациях масонства – то, что оно рассуждает о единении человечества, то есть претендует на универсальный нравственный характер; впрочем, при серьёзном изучении оказывается, что характер псевдо-универсальный, ибо такого типа доктрина не в состоянии затронуть вершины человеческой духовности – и вот на этом-то, не самом высоком уровне возможно много, красиво и безответственно говорить о чём-то общем.

В другую эпоху, в веке XIX-м, людям позитивистского склада показалось, что наука – та самая база, на которой возможно общечеловеческое единство. Аргументы были примерно таковы: религии, философские теории разделяют людей, это очевидно. А наука – так же очевидно – объединяет всех, поскольку сама едина. Не существует православной или католической физики, русской, японской, уругвайской. Есть одна общая для всех – стало быть, развивая науку вместо религий, можно добиться единства человечества.

Логически мысль вроде бы безупречная; но именно «вроде бы». Не соблюден здесь фундаментальный логический принцип: закон достаточного основания. Ибо нет достаточных оснований считать науку универсальной объединяющей силой, так как не способна она к постижению абсолютных истин – с коими как раз имеет дело религия. Уже в XX веке науковедение сформулировало так называемый принцип фальсификации, который, в сущности, постулирует следующее: наука как таковая не может быть полноценным мировоззрением, она лишь создаёт схемы, помогающие людям более или менее ориентироваться в окружающем мире. А вот на высоте философской, тем более религиозной проблематики, где речь не о деталях познания, а о самой сердцевине бытия, к согласию прийти куда труднее...

В масонстве, правда, речь шла именно о единении человечества. Лучшие из мыслящих людей мучились мыслью: почему христианство (чьё нравственную огромность они сознавали и не хотели отречься от неё!) не сумело объединить мир? Почему даже те народы, что именуются христианскими, бесконечно ссорятся и воюют друг с другом?.. Кого-то, вероятно, и посетила изощрённая мысль: якобы исключительная высота требований и является препятствием к объединению. Следовательно, стоит опустить этическую планку, создать нечто расплывчато-благожелательное, общий набор правил, не касаясь таких трудных тем, как смерт-

ный грех, покаяние, духовный подвиг... Да, разумеется, если кого это интересует – пожалуйста, интересуйтесь, однако, возводить это в ранг нравственного императива вовсе не обязательно. Достаточно, но не необходимо – говоря языком логики.

На первый взгляд может показаться, что это блестящий выход из тупика. Однако же, нет – жизнь демонстрирует, что и этот приём онтологически неверен. Снижение критериев сразу же создаёт эффект «морального вакуума»: упрощённая этическая парадигма начинает втягивать в себя персонажей с упрощёнными этическими принципами; эти лица своим присутствием обесмысливают саму концепцию... Процесс непростой и нескорый, но закономерный, и никуда от него не деться. Митрополит Платон, вероятно, понимал это хорошо, его царственный воспитанник понял не сразу – но понял всё же. Кошмар французской революции отрезвил многих, а Павла он ещё и убедил в том, что единство христианского мира должно быть восстановлено на основаниях более серьёзных и глубоких, более мистических, если угодно. Впрочем, к тому, что ему в масонстве представлялось лучшим, Павел сохранил симпатию до конца дней своих – в чём ещё раз оказался проницательнее матери. Правда, у той есть уважительная причина: когда во Франции грянула революция, ей, находясь на троне, некогда было долго разбирать, кто иллюминат, кто розенкрейцер, кто лучше, кто хуже – проще было взять под тотальный контроль всех, что она и

сделала. Что она умела это делать, в том сомневаться нечего. Все сразу присмирели. Умники же стали тише воды, ниже травы.

Вряд ли Павел, воцарясь, стал миловать опальных (Новикова, Радищева, Баженова, того же Куракина...) только из ностальгии по своей молодости. Он действительно ценил в этих людях лучшее, что в них было, ценил идеологию единения, пусть и на усечённой основе – в конце-то концов он сам, христианский самодержец, на что?! Если кто ошибётся, он поправит.

Это было самонадеянно, хотя и благородно по намерениям. Вообще, нам следует признать доброжелательность социальной концепции Павла – логично вытекавшую из его религиозности, несколько неуравновешенной, с вывихами, но всё же настоящей, не показной.

6

Но если так, то отчего же царствование Павла вышло столь кургузым и горько-комичным?.. Иной раз приходится слышать, что русская и советская историография из разных политических соображений намеренно искажала образ пятого императора, окарикатуривала его. Подобные тенденции наверняка имели место – но сами по себе они отнюдь не значат, что дело обстояло совершенно наоборот. Да, злые, язвительные анекдоты о Павле Петровиче – вроде «подпоручика Кижее» – распространялись злонамеренно. Однако, сам он наделал столько ошибок и нелепостей, что грех был бы его противникам упустить шанс наносить удары, под которые Павел Петрович так опрометчиво «подставлял борта». Нет никаких сомнений в том, что он, видя плачевную долю крестьянства, о котором Екатерина, сказать правду, не очень-то радела, хотел улучшить его положение. Более того – он хотел настоящего равенства, не той отвратительной гнусности, что устроили во Франции «просветители», громче всех о равенстве кричавшие... Он хотел этого – и восстановил против себя аристократию. Он рьяно взялся участвовать в антифранцузской коалиции; а потом вдруг круто изменил курс – и восстановил против себя Англию. Конечно, и на то и на другое у него были веские причины: и приструнить аристократов, и на Англию осерчать. Однако, резкость

действий стоила ему жизни, чего он, надо полагать, вовсе не желал...

В спорте есть термин «перегореть»: в чересчур долгом ожидании своего выхода спортсмен сжигает нервную энергию, и, когда, наконец, приходит его долгожданный час, он вырывается на поле, готовый свернуть горы... и ровно ничего не получается. Перегорел.

Видимо, нечто подобное произошло и с Павлом. Он слишком долго был «в запасе». Нельзя сказать, что у него ничего не вышло; однако, вышло, приходится признать, немного. Впрочем, «запас»-то у него какой был! – надо принять во внимание. Побольше и потяжелее, чем у любого спортсмена. И дело не только в годах, хотя и в них тоже: сорок два года ожидания – шутка ли!.. Но главное всё же в колоссальном, на грани «быть-не быть» напряжении, которое охотно подогревалось частью придворной челяди. И которое после воцарения не исчезло... Павел недооценил силу аристократии, ввязываясь в борьбу с ней. И переоценил свою. Вероятно, он полагал, что он, православный монарх, защита и надежда своих подданных, делаая благородное дело – вводя милость и справедливость к рядовым россиянам, на чьи незаметные плечи много, много лет взваливалась тяжесть блестящей Екатерининской геополитики – выполняет тем самым волю небес. Да разве и он сам не убедился в благосклонности этой воли, восстановившей правду: он стал императором, как тому ни противилась мать!.. Значит, мистическое единство Бога, ца-

ря и народа непоколебимо, и, значит, он храним этим единством! И пресечь злоупотребления разжиревшего, избалованного дворянства, установить законность, благоденствие – его монарший долг, поддержанный свыше.

Всё это теоретически верно. И практически могло быть верным, при условии безупречной нравственной позиции императора, ибо сила – прежде всего нравственность. А вот с этим у Павла Петровича, увы, было негладко, при, повторимся, чистоте исходных намерений. Иначе говоря, он сам подрывал свои же благие помыслы неважным их исполнением: история насколько обычная на этом свете, настолько же грустная. Очень многое в действиях Павла было продиктовано сердитым стремлением зачеркнуть результаты многолетнего матушкиного царствования, причём зачёркивалось всё очертя голову, огульно, с размаху, не глядя, хорошо это или плохо. А иной раз желание отомстить приобретало формы изощрённо-цинические, показывающие, что Павел не лишён был утончённого злопамятства... Так, едва ли не первым публичным мероприятием, устроенным новым императором, было перезахоронение праха его отца, Петра III. Останки были перенесены из Александро-Невского монастыря в собор Петропавловской крепости, место упокоения российских монархов, с полным церемониалом. За гробом несли царскую корону, а нёс её не кто иной, как граф Алексей Орлов, один из убийц покойного – и весь Петербург долго и пугливо обсуждал эту жутковатую аллегория[73, 59].

Не был Павел Петрович безгрешен и по дамской части. Глава огромной семьи, давно не юноша, он тем не менее не сумел избежать обыденных мужских соблазнов. Правда, нужно сказать, что интриганы умело портили отношения императора с супругой, Марией Фёдоровной, нащёптывая, что, мол, она тоже стремится устроить переворот... Отношения в семье в последние годы вообще стали какими-то полубредовыми; но и без этого, скорее всего, глава её не прекратил бы дон-жуанских подвигов. Долго – четырнадцать лет! – длилась его романтическая связь с фрейлиной Екатериной Нелидовой. Некоторые биографы Павла утверждают, что дружба эта была сугубо платонической. Возможно; однако, наблюдались в ней удивительные происшествия. Как исторический факт зафиксирован случай, когда Павел Петрович, очень сконфуженный, выскочил из покоев Нелидовой, а над головой его пролетела дамская туфелька [73, 64] ... Что такое могло произойти в беседе двух идеалистов, отчего она приняла такой резкий оборот?.. – остаётся только догадываться.

Словом, император, взявшийся строго перевоспитывать дворянство и особенно придворный круг, сам нравственно не был безупречен. И спешил, спешил – там, где следовало быть осмотрительным... Спешка – не деловитая расторопность, а именно сумбурная спешка – в любых обстоятельствах вредоносный фактор, и уж никак не годится спешить самодержцу.

Таким образом, мы вынуждены признать, что император Павел оказался плохим политиком. Он не сумел реально оценить ситуацию (как внешнюю, так и внутреннюю), не соизмерил с ней свои собственные силы и возможности, не выработал внятной стратегии. Оттого-то его планы – несомненно, значительные, неординарные – повисли в пустоте. Не только, впрочем, оттого; видимо, и сами планы грешили легковесной торопливостью. Он не очень ясно представлял себе, какова цель его реформ – то есть, сам-то он, мечтая о всеобщих счастье и добре, вероятно, думал, что всё прекрасно осознаёт... но увы. Не обладая системно организованным мировоззрением, Павел проявил непростительное дилетантство в государственной стратегии, а отсюда и рваная, нескладная, неудачная тактика действий... В сущности, всё закономерно.

То, что Екатерина желала видеть на престоле не сына, а внука, секретом не являлось. Придворные готовились именно к такому продолжению. Поэтому, когда трон всё же занял сын, двор напрягся в неприятном ожидании... и ожидания эти сбылись. Они естественным образом наложились на давнюю неприязнь, а придумать способы ведения тайной войны было несложно.

Собственно, ничего нового «бойцы невидимого фронта» и не выдумали. Императору тихой сапой навевали мысль о том, что жена и старший сын замышляют устранить его (при этом наговаривали сыну, что отец на него в гневе). Приказы

и распоряжения сознательно доводились до абсурда... Впрочем, бюрократический аппарат стал работать заметно скорее – это совершенно не подлежит сомнению. Притихла коррупция: чиновники страшились брать взятки. Выдвинулся на самый верх давний гатчинский знакомец Павла, Алексей Аракчеев, не знавший устали труженик административной нивы, который не крал и не брал ни малейшей mzды, и под чьм суровым оком подчинённые начинали проявлять максимум отдачи... Конечно, неизвестно, что лучше, что хуже: какой-нибудь беззлобный добродушный взяточник, или такой тип как Аракчеев, который, несмотря на кажущуюся монолитность, как личность был совсем непрост и даже как-то пугающе многогранен, со странными душевными закоулками; но как бы там ни было, императору на время удалось приструнить распущенную придворную вольницу, хотя вместе с виновными наверняка летели и прочь и невинные головы – и опять же в том, похоже, преуспели ушлые интриганы... Павел завёл знаменитый «ящик», прообраз нынешних «книг жалоб и предложений»: в окне Зимнего дворца действительно было сделано нечто вроде почтового ящика с прорезью, запёртого на замок, а ключ хранился исключительно у императора. В этот ящик любой мог бросить письмо с жалобой, просьбой, разоблачением – а Павел потом эти письма разбирал и принимал решения [36, 369

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.